ПРЕДАНІЯ

О

РОСТОВСКИХЪ КНЯЗЬЯХЪ.

А. Титова.

МОСКВА.
Типографія М. П. Щепкина, Сред. Кисловка, д. Волковыхъ.
1885.

М
Гос. Историч. Научн. Б-ка НКП РСФСР
Инвент. № 328939
" " 193 г.
4448
4

Князья Луговскіе.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Сообщилъ А. А. Титовъ.

Предлагаемыя здѣсь исторіи, касающіяся угасшаго рода ростовско-ярославскихъ князей Луговскихъ, вручены намъ семидесятилѣтнимъ старикомъ, крестьяниномъ Ростовскаго уѣзда Александромъ Яковлевичемъ Артыновымъ, воспоминанія котораго напечатаны въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» въ 1882 году и въ «Афишахъ и Объявленіяхъ» въ текущемъ году.

По словамъ Артынова, разсказы эти находились въ числѣ другихъ въ довольно объемистой рукописи, писанной скорописью XVIII вѣкѣ. Рукопись принадлежала послѣднему владѣльцу села Угодичъ дворянину Карру и пе-

живаетъ полнаго довѣрія; но относительно временъ отдаленной, до-исторической древности Ростовская лѣтопись преисполнена миѳами и бредитъ красавицами, волшебниками, богатырями и т. д., почти ничего не говоря о первобытныхъ обитателяхъ ростовскаго края—мерянахъ, и въ этомъ отношеніи не заслуживаетъ ни малѣйшаго довѣрія.

Всѣ эти рукописи были списаны Артыновымъ и списаны вотъ какимъ образомъ.

«Къ сожалѣнію, говоритъ Артыновъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» *), дѣлая выписки, я не удержалъ словъ подлинника, а, думая, что будетъ понятнѣе, придерживался современнаго языка и, много разъ переписывая, не сохранилъ потомъ и малѣйшихъ остатковъ слога рукописи, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у меня сначала еще удерживался. Крайне теперь жалѣю, что первоначальные оригиналы и многіе списки и разсказы, написанные мною въ отдѣльныхъ тетрадкахъ, ушли на обертку товаровъ въ моей лавочкѣ (отъ такого точно истребленія спасъ много подобныхъ вещей А. А. Титовъ въ 1880 году). Уже послѣ, при свиданіи у графа Уварова съ М. П. Погоди-

*) Смот. „Воспоминанія Артынова“, стр. 163. „Чтенія въ Общ. Истор. и Древн.“ 1882 г. кн. 3.

нымъ, я всѣ свои списки собралъ и переписалъ въ особую книгу; и вотъ въ 1880 году я изъ этой-то книги и составилъ Сборникъ ростовскихъ сказаній; такое же сказаніе я написалъ о князьяхъ, іерархахъ и именитыхъ людяхъ Ростова Великаго. Снова повторяю, что съ горестію вспоминаю теперь о томъ, что хотя многія событія прежде были буквально выписаны изъ лѣтописей Хлѣбникова, Трехлѣтова и др., но я, по неопытности, исправляя языкъ и слогъ, который тогда считалъ тяжелымъ и неудобнымъ, лишалъ свои сказанія главнаго достоинства и тѣмъ уменьшилъ цѣну своихъ полувѣковыхъ трудовъ. Теперь, къ стыду моему, вижу ясно истину словъ: «всякъ, возносяй себя, смирится». Теперь мой сборникъ и лѣтописи, исправленныя моей дерзновенной рукой, стали ни то, ни се, да и первоначальныхъ-то списковъ у меня ужъ нѣтъ. Не могу умолчать, что покойный П. В. Хлѣбниковъ не только не останавливалъ меня въ этихъ переправахъ, но и самъ, читая мнѣ эти рукописи, которыя я не разбиралъ, заставлялъ писать современнымъ языкомъ. Но прошлаго не воротишь: тогда были такія понятія»...

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ сказать и о вотчинѣ князей Луговскихъ, селѣ Угодичахъ.

Село Угодичи, Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи, въ 6 верстахъ отъ Ростова, находится на берегу озеро Неро или Каово. Это одно изъ большихъ подъ-ростовныхъ селъ уѣзда. Изъ актовъ угодичскаго волостнаго правленія и другихъ рукописей видно, что послѣ смутнаго времени владѣльцу села Угодичъ Томилѣ Луговскому за его службу въ 128 году (1620) была дана граммата царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, которою, по исчисленіи заслугъ Томилы государству, подтверждена была первая граммата, данная царемъ Шуйскимъ, съ слѣдующимъ поясненіемъ: «озеромъ Ростовскимъ со всѣми втекающими и истекающими изъ него рѣками и рѣчками и рыбными ловлями пользоваться ему, Томилѣ, безоброчно». Въ то же самое время написана Томилѣ Луговскому писцовая книга на вотчину, переписанная княземъ Андреемъ Звенигородскимъ и дьякомъ Михаиломъ Бухаровымъ.

Послѣ Томилы, за преждевременной смертью сына его Ивана, Угодичи перешли къ его внуку Алексѣю Ивановичу, но онъ вскорѣ продалъ это имѣніе стольницѣ, женѣ Алексѣя Богдановича Мусина-Пушкина—Иринѣ Михайловнѣ. Она радѣла о своихъ крестьянахъ, но, какъ дипломатка, любила заниматься науками и литературой, вела переписку съ учеными

иностранцами и смотрѣла косо на дѣйствія старыхъ княжескихъ и боярскихъ родовъ, вслѣдствіе чего пало на нее подозрѣніе по одному важному государственному дѣлу, которое изслѣдовалъ бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ въ селѣ Угодичахъ. Развязкой этого дѣла было прекращеніе переписки у Ирины Михайловны съ иностранцами, запрещеніе въѣзжать въ столицу, отобраніе въ казну озера и лишеніе всѣхъ правъ на рыбныя ловли. Это ускорило конецъ ея жизни, и помѣщикомъ угодичскимъ сдѣлался окольничій Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ.

Этотъ добрый для крестьянъ баринъ принималъ у себя въ Угодичахъ съ хлѣбомъ-солью царя Петра Алексѣевича. Отсюда царь ѣздилъ въ село Богородское-Козохово, имѣніе боярина Якова Ѳедоровича Долгорукаго, а на обратномъ пути, за деревней Уткинымъ, на пашнѣ Выползовѣ, милостиво разговаривалъ съ крестьяниномъ той деревни Алексѣемъ Молодяемъ. По возвращеніи царя изъ Козохова въ Угодичи, Иванъ Алексѣевичъ представилъ новопожалованнаго капрала, героя современной Шведской войны, Ивана Поповича, который съ тестемъ своимъ попомъ города Олонца Иваномъ Окуловымъ и съ охотниками ходилъ пѣшкомъ на рубежъ шведской границы, раз-

билъ тамъ шведскія заставы — Рутозерскую, Гиппонскую, Симерскую и Керіасурскую и добылъ много непріятельскаго оружія. Возвращаясь по озеру въ Ростовъ, государь былъ очень веселъ, шутилъ надъ бояриномъ И. А. Мусинымъ-Пушкинымъ и смѣялся, что онъ, вмѣсто Каспія, катаетъ его по ростовской лужѣ. Мусинъ-Пушкинъ подхватилъ это слово и распространилъ разговоръ о «лужѣ», какіе бы она могла приносить доходы казнѣ, если бы взять отъ монастырей въ казну всѣ принадлежащія имъ рыбныя ловли. Государь хотѣлъ объ этомъ подумать, когда пріѣдетъ въ Москву. Послѣ, по слову боярина, царь взялъ на большой московскій дворецъ отъ монастырей, какъ Ростовское озеро, такъ и всѣ впадающія въ него и исходящія изъ него рѣки и рѣчки съ рыбными ловлями, а Мусинъ-Пушкинъ получалъ оттуда каждогодно на оброкъ. Такимъ порядкомъ содержалъ онъ на оброкѣ рыбныя ловли до знаменитой Полтавской битвы, послѣ которой получилъ графское достоинство, а потомъ вскорѣ пожаловано было ему собственноручною царскою грамматою Ростовское озеро съ рѣками и рѣчками, со всѣми рыбными ловлями, въ безоброчное владѣніе, не въ примѣръ другимъ.

Съ воспоминаніемъ о графѣ Мусинѣ-Пушки-

нѣ тѣсно связана память о другомъ знаменитомъ мужѣ того времени, св. Димитріи, митрополитѣ Ростовскомъ, который, питая искреннее уваженіе къ семейству этого вельможи, произнесъ въ Москвѣ краснорѣчивое слово надъ прахомъ старшаго его сына и не задолго до своей блаженной кончины самъ освящалъ въ Угодичахъ новопостроенную на могильницахъ каменную церковь во имя св. Николая Чудотворца. Почти одновременно съ этимъ царь выразилъ свое вниманіе къ Мусину-Пушкину пожалованіемъ ему при грамматѣ иконы Владимірской Божіей Матери. По кончинѣ св. Димитрія, графъ, будучи предсѣдателемъ монастырскаго приказа, принималъ живое участіе въ погребеніи святителя.

По разсказамъ старожиловъ, императоръ Петръ II былъ также инкогнито въ ростовскомъ округѣ, въ имѣніи князей Долгорукихъ, селѣ Климотинѣ, въ сопровожденіи князей Василья Лукича, Сергѣя и Ивана Григорьевичей и Ивана Александровича Долгорукихъ и графа Платона Мусина-Пушкина, а оттуда вознамѣрился съѣздить чрезъ Порѣчье, Рыбное и Ростовское озеро на стругахъ рѣкою Которостью въ Ярославль и на пути посѣтилъ въ Угодичахъ престарѣлаго любимца Петра I графа Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина.

По смерти Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина, во владѣніе Угодичами вступилъ его сынъ Платонъ Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, который, будучи еще въ молодыхъ годахъ гордымъ царедворцемъ съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, заставилъ старыхъ угожанъ со слезами вспоминать о его отцѣ. Защитой для нихъ отъ неумѣренныхъ требованій со стороны Платона Ивановича была графиня Елизавета Платоновна; она часто останавливала исполнителей его воли, особенно при сборѣ тяжелаго оброка. Но Платонъ Ивановичъ, кружась въ вихрѣ удовольствій, былъ глухъ къ ея укорамъ и воплямъ крестьянъ. Время это, хотя и не продолжительное, осталось въ памяти угожанъ подъ прозвищемъ «Платоновщины». Къ счастію угожанъ, неожиданно объявляютъ имъ высочайшій указъ, что, по волѣ императрицы Елизаветы Петровны, «за разныя Платона Мусина-Пушкина шалости и преступленія», село Угодичи поступило въ дворцовое вѣдомство.

Угодичскіе акты упоминаютъ частію о сынѣ Платона Мусина-Пушкина генералъ-фельдмаршалѣ графѣ Валеріанѣ Платоновичѣ Мусинъ-Пушкинѣ и его ординарцѣ, урожденцѣ села Угодичъ Васильѣ Ивановѣ Щаповѣ, который еще у генералъ-маіора Мусина-Пушкина при Бендерахъ, во время штурма этой крѣпости,

потушилъ бомбу близъ графской ставки и пороховыхъ ящиковъ, за что получилъ отъ графа 50 червонцевъ награды и должность безсмѣннаго ординарца. Этотъ солдатъ Щаповъ дважды прикомандированъ былъ къ бывшему ростовскому митрополиту Арсенію Мацѣевичу, когда тотъ былъ простымъ монахомъ въ заточеніи и именовался «Андреемъ Вралемъ».

Тѣ же акты говорятъ, что съ поступленіемъ Угодичъ въ дворцовое вѣдомство настали «злые дни» для этого села. Старожилы разсказывали много печальнаго о самовольныхъ и притѣснительныхъ поступкахъ московскихъ бояръ, управлявшихъ Угодичами: то, по разсказамъ, была та же «Платоновщина». Но все это скоро было забыто, когда императрица Екатерина II пожаловала Угодичи вдовѣ князя Петра Михайловича Голицына Екатеринѣ Алексѣевнѣ, урожденной Карръ. Съ селомъ перешло, конечно, и озеро, со всѣми впадающими въ него и истекающими изъ него рѣками и рѣчками и со всѣми рыбными ловлями, какъ объ этомъ изображено въ грамматахъ Петра Великаго, данныхъ графу Мусину-Пушкину. Кромѣ того, императрица пожаловала Голицыной одну изъ порфиръ, бывшихъ на ней въ выходахъ послѣ коронованія ея величества.

Не излишне упомянуть здѣсь и о бытности

въ Угодичахъ князя Григорія Григорьевича Орлова для молебствія предъ иконою Молчанской Божіей Матери, находящейся въ бывшей Богоявленской сельской церкви. Въ это же самое время княгиня учинила генеральное межеваніе своимъ дачамъ чрезъ землемѣра Николая Петрова Арцыбашева. Затѣмъ, по предложенію княгини, пріѣхалъ въ Угодичи разсѣять свою тоску и уныніе послѣ неудачнаго похода противъ Емельки Пугачева родной братъ Екатерины Алексѣевны генералъ-маіоръ Василій Алексѣевичъ Карръ. Памятники пребыванія его здѣсь—«Чистый прудъ», выкопанный по его совѣту, и «Безыменная пустошь», называемая «Двадцатилѣтнею дачею», купленная у бригадирши Θеклы Алмазовой. Для управленія угодичскою вотчиною на смѣну старшаго брата княгиня пригласила младшаго—Филиппа Алексѣевича Карръ съ его женой. Но здѣсь молодые супруги скоро разссорились и разошлись. Послѣ того одинокая и неприличная жизнь Филиппа Алексѣевича опротивѣла его сестрѣ: она выслала его изъ Угодичъ въ сельцо Искадьево, Нижегородской губерніи, Ардатовскаго уѣзда, гдѣ онъ и прожилъ около 7 лѣтъ, но послѣ опять пріѣхалъ въ Угодичи. Между тѣмъ чувствуемый угожанами недостатокъ земли княгиня пополнила пустошью «Козино», купле-

ною у помѣщиковъ Внуковыхъ. Къ довершенію всего, княгиня исходатайствовала у святѣйшаго синода благословеніе на каждогодный пріемъ въ Угодичи изъ Порѣчья-Рыбнаго принадлежащей ростовскому собору иконы Владимірской Божіей Матери. Въ преклонныхъ лѣтахъ княгиня Голицына духовнымъ завѣщаніемъ передала угодичскую вотчину своему брату Филиппу Алексѣевичу Карръ. а князю Александру Михайловичу Голицыну подарила «на уху» рыболовный язъ на рѣкѣ Вексѣ. Въ первый годъ по вступленіи Карра во владѣніе угодичской вотчиной, пожаръ испепелилъ половину села «Сидоркова», «Перевозны» и «Десятки». Въ утѣшеніе Карру послѣдовало рѣшеніе въ его пользу процесса съ бригадиромъ Алмазовымъ о рыбной ловлѣ на рѣкѣ Ишнѣ. Не долго добрый баринъ пользовался плодами своихъ трудовъ. Преклонныя лѣта понудили Филиппа Алексѣевича позаботиться о будущемъ благосостояніи своихъ крестьянъ: по примѣру графа Сергія Румянцева, онъ рѣшился отпустить ихъ въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ, что и сдѣлалъ не задолго до своей смерти, 19 февраля 1809 года.

А. Титовъ.

Ростовъ, Яросл. губ.
1884 г. іюля 10.

Родъ ростовско-ярославскихъ князей Луговскихъ, главную вотчину которыхъ составляло с. Угодичи Ростовскаго уѣзда, происходилъ по прямой линіи отъ смоленско-ярославскаго князя св. Ѳеодора Ростиславича Чермнаго, а именно: у князя Ѳеодора Ростиславича былъ сынъ св. кн. Давидъ, имѣвшій сына Василія; у кн. Василія былъ сынъ Романъ, который имѣлъ сына Даніила, а этотъ въ свою очередь имѣлъ сына Льва; у этого-то кн. Льва и родился сынъ и родоначальникъ фамиліи Луговскихъ, съ котораго и начнемъ наши очерки, а именно:

I. Князь Андрей Львовичъ Луговка.

XIV вѣкъ.

Вотъ, что повѣствуетъ намъ одна изъ мѣстныхъ лѣтописей относительно женитьбы кн. Андрея.

Молодой и храбрый князь Любартъ, сынъ полоцкаго князя Гедимина, бывъ въ Москвѣ на службѣ великокняжеской, подружился съ князьями ростовскими: Дмитріемъ Ивановичемъ

Бритымъ-Бычковымъ и Андреемъ Львовичемъ Луговкой; дружба ихъ была столь неразрывна, что даже при великокняжескомъ дворѣ ставилась въ примѣръ другимъ; когда пришло время кн. Дмитрію и Андрею Луговкѣ покинуть Москву и возвратиться въ Ростовъ, то кн. Любартъ ни за что не хотѣлъ разстаться съ ними и рѣшился съ князьями ѣхать въ Ростовъ. Въ Ростовѣ они проводили время очень весело и часто охотились по живописнымъ берегамъ ростовскаго озера.

Однажды они охотились на берегахъ рѣки Ильмы; мѣсто было имъ незнакомо, и они заблудились. Долго блуждали они по лѣсу, отыскивая дорогу, и наконецъ пріѣхали къ терему, принадлежавшему, какъ они послѣ узнали, мудрецу Опосу. Въ то время въ этомъ теремѣ проводилъ лѣто дядя кн. Дмитрія князь Константинъ Владиміровичъ; къ нему-то и заѣхали молодые князья-охотники. Кн. Константинъ былъ очень радъ пріѣзду племянника и его товарищей, тѣмъ болѣе, что вся его семья состояла только изъ одной дочери, княжны Евдокіи.

При первомъ же свиданіи, кн. Любартъ и кн. Андрей Луговка влюбились въ княжну, но та отдала предпочтеніе кн. Андрею. Онъ сначала чрезъ своего друга князя Дмитрія, а по-

томъ и лично объяснился съ княжной въ любви, а тамъ сталъ просить ея руки. Кн. Константинъ былъ очень радъ такому предложенію, потому что давно имѣлъ намѣреніе породниться съ князьями ярославскими.

Но еще ранѣе этого въ княжну Евдокію былъ влюбленъ ростовскій кн. Иванъ Андреевичъ Брюхатый. Человѣкъ онъ былъ не совсѣмъ благородныхъ правилъ и свое богатство, накопленное съ грѣхомъ пополамъ его дѣдомъ и отцемъ, ставилъ выше всякихъ личныхъ качествъ, а потому и считалъ себя самымъ достойнымъ женихомъ для княжны Евдокіи. князя же Константина, ея отца, какъ человѣка не богатаго и продавшаго свой удѣлъ великому князю, онъ ни во что не ставилъ. Когда кн. Иванъ узналъ о помолвкѣ Евдокіи съ кн. Андреемъ, это извѣстіе сильно поразило его, и онъ рѣшился во что бы то ни стало похитить княжну Евдокію и ждалъ для этого только удобнаго случая.

Вскорѣ послѣ помолвки, кн. Константинъ съ гостями уѣхалъ въ Ростовъ къ своему брату кн. Ивану Владиміровичу; изъ Ростова гости его разъѣхались: кн. Любартъ уѣхалъ на Волынь, а кн. Димитрій въ Москву на службу великокняжескую; остался съ нимъ только одинъ кн. Андрей.

Временемъ отъѣзда кн. Константина и воспользовался кн. Иванъ Брюхатый для того, чтобъ похитить княжну; когда княжна Евдокія пошла съ подругами гулять на р. Ильму, кн. Иванъ и его сообщники напали на нее и, похитивъ ее съ подругами, посадили ихъ на лихихъ коней, стрѣлой помчались окольными путями на берега р. Сахты, въ теремъ кн. Ивана, гдѣ князь и помѣстилъ княжну Евдокію и ея подругъ въ особую свѣтлицу.

Подруги княжны скоро забыли свое горе, найдя утѣшителей въ лицѣ своихъ похитителей, и весело проводили время; но для кн. Евдокіи такая жизнь стала невыносима, и она, при первомъ же свиданьи съ кн. Иваномъ, съ презрѣньемъ отвергла его.

Вѣсть о похищеніи княжны какъ громомъ поразила весь княжескій дворъ; всѣ терялись въ догадкахъ: кто бы могъ похитить ее, но не могли отгадать. Для отысканія ея были приняты всѣ мѣры, но онѣ не повели ни къ чему. Время шло, а о княжнѣ не было ни слуху, ни духу; наконецъ кн. Константинъ обѣщалъ большую награду тому, кто бы подалъ ему вѣсть о пропавшей княжнѣ.

Между тѣмъ кн. Иванъ Брюхатый, видя легкую побѣду своихъ товарищей надъ подругами княжны, соскучился ждать того времени.

когда княжна обратитъ на него вниманіе и будетъ къ нему благосклоннѣе, а потому, пришедши къ ней въ свѣтлицу, хотѣлъ получить отъ нея силою то, чего не могъ добиться никакими просьбами. Ни слова, ни слезы княжны на него не дѣйствовали, а только пуще распаляли его страсть; княжна ни откуда уже не видала себѣ помощи, какъ вдругъ неожиданный стукъ въ двери потрясъ свѣтлицу и чей-то голосъ позвалъ князя Ивана на немедленную помощь. Оставивъ княжну, онъ выбѣжалъ изъ свѣтлицы, желая узнать причину тревоги, но, вышедши, увидалъ, что все было спокойно: слуги на своихъ мѣстахъ, а его товарищи кн. Русанъ Ѳедоровичъ Щепинъ и Василій Ивановичъ Голенинъ вели веселую бѣсѣду съ подругами княжны; одинъ только кн. Юрій Ивановичъ Нѣмой спалъ богатырскимъ сномъ. Видя, что все благополучно, Брюхатый никому не сказалъ о случившемся и ушелъ въ свою почивальню.

На слѣдующій день къ опечаленной княжнѣ неожиданно вошелъ какой-то незнакомый ей витязь, почтительно поклонился ей и сказалъ:

— Извини, княжна, что я имѣлъ дерзость придти къ тебѣ самовольно: я тайный твой хранитель и другъ князя Андрея Львовича; я князь Юрій, по прозванью «Нѣмой». Будучи

сосѣдомъ кн. Ивана, я сдѣлался его сообщникомъ, вовсе не зная о его гнусномъ намѣреніи похитить тебя, а когда узналъ, то было уже поздно, и я уже не могъ ему воспрепятствовать. Я остался охранять тебя, такъ какъ не рѣшаюсь оставить тебя одну среди твоихъ подругъ, которыя теперь сдѣлались недостойными тебя. Вчерашняя тревога была моимъ дѣломъ: Иванъ сказалъ мнѣ о своемъ гнусномъ намѣреніи, и я поспѣлъ во-время. Подожди еще немного: уже скоро настанетъ день твоей свободы.

Вскорѣ послѣ этого во дворъ князя Константина пришелъ нищій и требовалъ свиданья съ кн. Андреемъ Луговкой; когда нищаго ввели къ нему, то онъ спросилъ князя, одни ли они. Получивъ утвердительный отвѣтъ, нищій продолжалъ:

— Меня прислалъ къ тебѣ кн. Юрій Нѣмой, который неусыпно бережетъ твою невѣсту въ теремѣ Ивана Брюхатаго; онъ велѣлъ тебѣ сходить къ старому Спирѣ, сыну Аники-воина, и просить его совѣта, что надо дѣлать съ Брюхатымъ для того, чтобъ выручить отъ него княжну Евдокію.

Выслушавъ такую вѣсть, кн. Андрей щедро наградилъ нищаго и велѣлъ все хранить въ тайнѣ, а самъ немедленно поѣхалъ къ Спирѣ

на рѣку Нашму. Кн. Романъ Спиря принялъ его радушно и, узнавъ причину его пріѣзда, сказалъ:

— Внучекъ, видно, пошелъ по дѣдушкѣ, и яблоко упало недалеко отъ яблони. Онъ не бывалъ еще въ передѣлкѣ у Аникина отродья, такъ пусть побываетъ! Сначала надо пуститься съ нимъ на хитрости, да посмотрѣть его порядки, а тамъ увидимъ, что надо будетъ дѣлать. Я прежде одинъ побываю у него, да узнаю, стоитъ ли еще шкурка выдѣлки, а ты, князь, подожди меня здѣсь.

Послѣ этого кн. Спиря выкрасилъ себѣ лице, завязалъ одинъ глазъ, къ ногѣ привязалъ деревяшку и, съ костылемъ въ рукѣ, въ видѣ нищаго, пришелъ къ кн. Ивану Брюхатому. Тамъ онъ прожилъ трое сутокъ между поварами и кое-какъ далъ знать о себѣ кн. Юрію Нѣмому; а тотъ, узнавъ о его прибытіи, притворился больнымъ, такъ что кн. Ивану самому пришлось смотрѣть за всѣмъ хозяйствомъ, потому что кн. Юрій по своей скромности и трезвости былъ во всемъ правой рукой кн. Ивана; кромѣ того, болѣзнь кн. Юрія принесла новую заботу кн. Брюхатому: теперь ему пришлось ухаживать за двоими: за больнымъ и за кн. Евдокіей. Старикъ нищій какъ разъ пришелся тутъ кстати: онъ обѣщалъ привести

своего племянника, который могъ бы замѣнить кн. Ивана; притомъ же онъ умѣлъ лѣчить и всякія болѣзни. Вскорѣ новый слуга былъ приведенъ старикомъ и назначенъ для ухода за кн. Юріемъ. Этотъ слуга былъ переряженный молодой князь Варсонофій, только что пріѣхавшій изъ Москвы. Отъ лѣкарства, даннаго новымъ слугой, кн. Юрію стало легче: за то кн. Иванъ Брюхатый скучалъ, и только одна Евдокія не шла у него съ ума. Для развлеченія кн. Юрій посовѣтывалъ ему послушать сказокъ нищаго. Старикъ началъ ему разсказывать про богатырей кн. Владиміра и про разбойниковъ муромскихъ: потомъ повелъ рѣчь о томъ, какъ кн. Константинъ Всеволодовичъ мѣрялся силами съ кн. Юріемъ Долгимъ; разсказывалъ, какъ богатыри кн. Владиміра добывали ему Амфороѳею королевишну и какъ Илья Муромецъ живымъ въ гробъ легъ: но вдругъ во время этого любопытнаго разсказа вбѣжалъ къ нимъ кн. Русанъ и сказалъ, что кн. Юрій съ новымъ слугою увели изъ терема княжну Евдокію.

Князь Иванъ, забывъ сказки, вскочилъ со скамьи и хотѣлъ снять со стѣны мечъ-кладенецъ и съ нимъ бѣжать за уходящими, но старикъ взялъ его за руки, посадилъ опять на скамью и шутя сказалъ:

— Что тебѣ, князь, за дѣло до нихъ? Пусть себѣ идутъ, куда хотятъ. Худая трава изъ поля вонъ. За околицей ихъ ждетъ кн. Андрей Луговка; такъ пусть ихъ, что хотятъ, то и дѣлаютъ.

Брюхатый съ бранью старался освободиться изъ рукъ старика, у котораго въ это время отпала отъ ноги деревяшка и повязка свалилась съ глаза. Держа крѣпко кн. Ивана, старикъ сказалъ ему:

— Когда Спиря начнетъ сказки сказывать, то любитъ, чтобы ихъ слушали до конца: сказка вѣдь концемъ красна; а то вѣдь я выучился у родимаго батюшки шить красныя шапки. Сиди смирно, а не то какъ разъ надѣну красную шапку такъ же, какъ на твоего дѣда кн. Ивана Константиновича.

Кровь застыла въ жилахъ Брюхатаго, когда онъ узналъ кн. Спирю, знаменитаго силача.

— Извини, князь, продолжалъ Спиря, что я помянулъ про красную шапку; напугалъ я тебя; да вѣдь покорную голову мечъ не сѣчетъ. Только смотри: дружба дружбой, а служба службой; впередъ такъ не дѣлай. Спиря тоже, что и Аника воинъ, этого не любитъ; другой разъ приду, такъ безъ красной шапки ужъ не уйду.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ терема, скоро догналъ путниковъ, и дорогой всѣ отъ души смѣялись продѣлкамъ старика.

Вскорѣ по прибытіи ихъ въ Ростовъ, состоялся и бракъ князя Андрея Луговки съ княжной Евдокіей; вѣнчалъ ихъ въ соборной церкви самъ владыка Игнатій 2-й. Послѣ этого, по совѣту своего тестя Константина Владиміровича, князь Андрей Луговка остался навсегда жить въ Ростовскомъ удѣлѣ и поселился въ новомъ теремѣ, построенномъ на мѣстѣ «глухаго дворища» *).

---

*) Теперь на этомъ мѣстѣ находится дер. Глухово, а въ старину, какъ гласитъ преданіе, тутъ стоялъ теремъ кн. Рудака, сына кн. Свѣтида; впослѣдствіи на этомъ же мѣстѣ было жилище кн. Семена Михайловича Глуховскаго и Черниговскаго, отъ котораго этотъ теремъ и перешелъ къ кн. Андрею Львовичу Луговкѣ, а послѣ него онъ достался его сыну кн. Семену Андреевичу Луговскому, бывшему потомъ, подъ именемъ Арсенія 1-го, епископомъ Ростовскимъ; отъ него этотъ теремъ перешелъ къ кн. Александру Юрьевичу Губастому, котораго тутъ и посѣтилъ царь Иванъ Грозный, съ своей княгиней Маѳоой Борисовной и дочерьми: Еленой и Евдокіей. По смерти кн. Александра, теремъ перешелъ къ его брату кн. Василью Юрьевичу Бритому-Бычкову, а этотъ отдалъ его въ приданое за дочерью Ириной, выданной за князя

II. Князь Семенъ Андреевичъ Луговской-Грива.

XIV вѣкъ.

Князь Семенъ Андреевичъ Луговской, по прозванію «Грива», былъ единственнымъ сыномъ и наслѣдникомъ кн. Андрея и былъ женатъ на княжнѣ Матренѣ, дочери кн. Василья Александровича Ластки. Бывши воеводою ростовской рати, онъ вмѣстѣ съ новгородцами храбро защищалъ противъ войскъ шведскаго короля Магнуса городъ Орѣшекъ (нынѣшній Шлиссельбургъ), и только численное превосходство непріятельскихъ силъ заставило его уступить шведамъ, при чемъ самъ израненный кн. Семенъ попалъ къ нимъ въ плѣнъ. При раздѣлѣ плѣнныхъ, онъ достался воеводѣ Фрелафу, человѣку суроваго права; а жена его еще болѣе превосходила мужа своею суровостію, однако видъ молодаго и красиваго плѣнника привлекъ ея вниманіе. Въ первые же дни своей неволи кн. Семенъ сблизился съ служанкой жены воеводы Фрелафа, отъ которой и узналъ, что

Михаила Семеновича Луговскаго. Послѣ кн. Михаила теремъ перешелъ къ его сыну кн. Сергѣю Михайловичу Луговскому, а отъ него къ кн. Юдѣ Сергѣевичу и наконецъ къ кн. Андрею Матвѣевичу Бритому-Бычкову Голаху. *Примѣч. Артынова.*

она русская и дочь новгородскаго воеводы Романца, по имени Прасковья.

Жестокое обращеніе госпожи съ служанкой и налагаемыя на нее непосильныя работы тронули сердце кн. Семена, и онъ рѣшился посредствомъ бѣгства самъ освободиться отъ плѣна и освободить Прасковью.

Вниманіе госпожи къ молодому плѣнику только ускорило побѣгъ. Мужественная красота его съ перваго же раза плѣнила ея сердце и воспламенила ея кровь преступной любовью. Съ одной стороны, жестокія пытки и мученія предстояли кн. Семену за его непокорность госпожѣ, а съ другой, ему грозила лютая смерть отъ воеводы Фрелафа въ томъ случаѣ, если онъ раздѣлитъ любовь его супруги. Находясь въ такомъ безъисходномъ положеніи, князь не зналъ, что ему дѣлать и какъ избавиться отъ такихъ напастей. Томимый такими мыслями, онъ провелъ безсонную ночь и только къ утру заснулъ легкимъ сномъ. Во снѣ онъ видитъ знакомое поле, сплошь устланное тѣлами убитыхъ воиновъ; посреди поля знакомый ему прудъ, берега котораго поросли столѣтними деревьями, отѣнявшими его родовой теремъ; берега пруда также уложены были тѣлами, такъ что къ терему и пройти было нельзя; между тѣлами онъ

замѣтилъ только одно порожнее мѣсто. и вдругъ услыхалъ изъ среды тѣлъ голосъ:

— Это мѣсто будетъ твое, если ты прельстишься чужой добротой. Бѣги съ Прасковьей изъ этихъ мѣстъ, а одежду для себя ты найдешь въ дуплѣ девятаго дерева въ саду воеводы. и поѣзжай на первомъ же встрѣтившемся тебѣ кораблѣ на берегу озера: этотъ корабль ѣдетъ на Русь.

Проснувшись, князь удивлялся видѣнному имъ сну и, желая узнать, справедливъ ли онъ. пошелъ въ садъ воеводы, гдѣ дѣйствительно въ девятомъ деревѣ нашелъ дупло, а въ немъ двѣ одежды корабельщиковъ, подъ которыми хранилась киса, полная серебра.

Когда наступила ночь, князь и Прасковья тихо вышли изъ дома Фрелафа, надѣли на себя найденную въ дуплѣ одежду, а кису съ деньгами князь опоясалъ вокругъ себя подъ одеждой, и они отправились къ берегу Ладожскаго озера, гдѣ и встрѣтили корабельщика. который согласился взять ихъ на свое судно. Сначала ихъ путь былъ благополученъ. и попутный вѣтеръ скоро принесъ ихъ къ острову Валааму, гдѣ они и остановились для поклоненія животворящему кресту, оставленному тамъ апостоломъ Андреемъ Первозваннымъ въ то время, когда онъ плылъ изъ Нов-

города въ Грецію. Тутъ кн. Семенъ сошелся съ однимъ инокомъ, въ которомъ тотчасъ же узналъ своего побѣдителя шведскаго короля Магнуса *).

Подъ конецъ пути ихъ поднялась страшная буря; корабль бросало какъ щепку, и наконецъ разбило въ виду города Орѣшка. Кн. Семенъ ухватился за мачту, вмѣстѣ съ ней долго носился по волнамъ и наконецъ въ безпамятствѣ былъ выброшенъ на берегъ. Придя въ себя, онъ увидѣлъ, что лежитъ въ небольшой, но опрятной избѣ, и что передъ нимъ стоитъ почтенный старецъ, котораго онъ и спросилъ:

— Повѣдай мнѣ, отецъ мой, гдѣ я нахожусь и какимъ образомъ очутился я здѣсь; мнѣ помнится, что я долго былъ носимъ разъяренными волнами.

— Сынъ мой! отвѣчалъ ему старикъ: Провидѣніе послало тебя къ такому же изверженцу морскихъ волнъ, какъ ты самъ; только я, можетъ быть, гораздо несчастнѣе тебя. Коротка моя повѣсть, и я, пожалуй, разскажу ее. Родомъ я изъ Новгорода, по промыслу купецъ,

*) Магнусъ потерпѣлъ крушеніе близъ о. Валаама и, выброшенный на берегъ, поступилъ инокомъ въ Валаамскую обитель, гдѣ, подъ именемъ Николая, и скончался. Рук. Хлѣбн. *Прим. Арт.*

а имя мое Евстратъ. Разъ возвращался я на кораблѣ на родину изъ страны Эми, обремененный богатствомъ, нажитымъ мною въ этой странѣ; ѣхалъ я съ любимою супругой и дочерью, для которой заботы о страждущихъ были единственнымъ утѣшеніемъ; корабль у меня былъ свой; кормчій у меня былъ опытный, и путь нашъ былъ благополученъ. Мы плыли уже въ виду города Орѣшка, какъ вдругъ поднялась буря: корабль мой разбило; жена, дочь и все мое богатство сдѣлались добычею моря, а я и кормчій были выброшены на берегъ; но, сохранивъ жизнь, я остался не очень доволенъ ей: со мной не было ни любимой супруги, ни дочери. Вскорѣ послѣ этого ладья рыболововъ отправилась въ Нейштатъ, и мы уѣхали съ ними. Мы нашли здѣсь эту хижину, служившую прежде, вѣроятно, притономъ рыбаковъ, и предназначили себя на подвигъ спасенія несчастныхъ жертвъ кораблекрушеній. Въ тихую погоду на нашей ладьѣ мы промышляемъ рыболовствомъ, а въ бурю мы смѣло, какъ чайка, снуемъ по разъяреннымъ волнамъ, оспаривая у моря его добычу. Нѣсколько разъ въ лѣто мы ѣздимъ на море на то мѣсто, гдѣ я лишился всего дорогаго, и почти въ каждую такую поѣздку спасаемъ погибающихъ. Послѣдняя наша путина

также не прошла даромъ: мы нашли тебя, выброшеннаго на берегъ, съ едва замѣтными признаками жизни, и привезли сюда. Земля, гдѣ мы теперь находимся, была прежде частію нашей Водской пятины, а теперь она принадлежитъ варягамъ, промышляющимъ морскимъ разбоемъ. Здѣсь происходитъ главный сбытъ награбленной ими добычи, а потому сюда съѣзжаются торговцы изъ далекихъ странъ для покупки невольниковъ и другихъ награбленныхъ товаровъ. Недалеко отсюда лежитъ и бывшій нашъ городъ Нейштатъ, которымъ завладѣлъ теперь шведскій король Магнусъ, побѣдивъ насъ при Орѣшкѣ, гдѣ мы, къ несчастію, лишились храбраго ростовскаго воеводы кн. Семена Андреевича Луговскаго, пропавшаго безъ вѣсти. — Ну, сказалъ въ заключеніе старикъ, ты теперь выслушалъ печальную исторію моей жизни, такъ разскажи же мнѣ и свою.

Кн. Семенъ, поблагодаривъ старика за спасеніе своей жизни и скрывъ свое званіе подъ именемъ простаго латника Люши, въ свою очередь разсказалъ ему, какъ онъ былъ взятъ шведами въ плѣнъ и какъ, находясь въ рабствѣ у воеводы Фрелафа, бѣжалъ съ Прасковьей, дочерью новгородскою воеводы Романца.

При имени Романца, старикъ уже не могъ болѣе скрывать себя и сказалъ, что онъ не купецъ Евстратъ, а воевода Романецъ, и сталъ разспрашивать о судьбѣ своей любимой дочери. Кн. Семенъ разсказалъ ему о томъ, какъ они жили вмѣстѣ, какъ плыли на кораблѣ и какъ потерпѣли крушеніе, во время котораго, вѣроятно, и погибла Прасковья. Старикъ горько оплакивалъ судьбу несчастной дочери.

Спокойная жизнь скоро возстановила утраченныя силы князя, и онъ сталъ помогать Романцу и его кормчему: онъ ловилъ съ ними рыбу и носилъ ее для продажи въ городъ, гдѣ каждый разъ непремѣнно посѣщалъ и торгъ невольниковъ. Въ одно изъ такихъ посѣщеній онъ вдругъ замѣтилъ среди невольницъ Прасковью; та, узнавъ его, едва не закричала отъ радости, но кн. Семенъ далъ ей знакъ молчать и сталъ ее покупать у продавца. Покупка скоро состоялась, а такъ какъ князь не имѣлъ при себѣ нужной суммы денегъ, то и просилъ торговца послать съ нимъ кого-нибудь въ его хижину за полученіемъ денегъ, но тотъ отказался. Боясь упустить изъ рукъ Прасковью, князь рѣшился остаться вмѣсто нея заложникомъ, на что торговецъ охотно согласился, потому что цѣна заложника была гораздо выше цѣны невольницы; тогда князь отвелъ Пра-

сковью въ сторону, разсказалъ ей, гдѣ найдетъ она своего отца, и велѣлъ ей взять изъ кисы денегъ и прислать съ кормчимъ условленную за ея выкупъ сумму. Прасковья немедленно отправилась. Время шло, а кормчій съ деньгами не являлся; пришла ночь, а денегъ все нѣтъ. Тогда князь просилъ торговца обождать до утра. Въ такомъ ожиданіи прошла цѣлая недѣля, и князь никакъ не могъ придумать, почему его не выкупилъ Романецъ. Наконецъ за небольшую плату хозяинъ отпустилъ князя въ сопровожденіи двухъ слугъ въ хижину на взморье. Они пошли и на пути увидѣли трупъ убитаго кормчаго; тутъ только князь понялъ причину неприсылки денегъ; придя же на взморье, онъ нашелъ хижину Романца пустою и отъ сосѣдей рыболововъ узналъ, что на старика напали новгородскіе ушкуйники и увезли его въ свою землю.

И такъ кн. Семенъ по неволѣ долженъ былъ сдѣлаться невольникомъ корыстолюбиваго продавца, но высокая цѣна, назначенная за князя, дѣлала его доступнымъ не всякому покупателю; наконецъ нашелся и на него покупщикъ. Это былъ нейштатскій воевода Колпа, присланный охранять нейштатскій округъ отъ набѣговъ новгородцевъ. На предложеніе продавца купить князя, воевода отвѣ-

чалъ. что онъ охотно купилъ бы его. если бы тотъ зналъ военное искусство: «мнѣ нуженъ. добавилъ воевода. учитель военному ремеслу для моего сына». На это князь отвѣчалъ воеводѣ. что онъ знаетъ это искусство. и тихо сказалъ:

— Купи меня. воевода: я все для тебя сдѣлаю. чего ты только ни пожелаешь.

Колпа купилъ князя Семена и. идя въ городъ. разспрашивалъ о томъ. кто онъ и откуда; князь Семенъ отвѣчалъ. что онъ латникъ и родомъ изъ Новгорода. Услышавъ это. Колпа обѣщалъ дать ему свободу и. щедро наградивъ. отпустить домой. если только онъ хорошо выучитъ его сына военному искусству.

Два года жилъ кн. Семенъ у воеводы Колпы и сдѣлался не рабомъ его. а другомъ. и такъ хорошо обучалъ его сына Акула военной наукѣ. что военныя познанія Акула и его храбрость ставились въ примѣръ другимъ. За то и Колпа сдержалъ свое слово: онъ далъ князю полную свободу, постоянно совѣтовался съ нимъ въ дѣлахъ военныхъ и политическихъ и изыскивалъ только благопріятнаго случая для того. чтобъ отправить его на родину. По состраданію къ несчастнымъ. князь не рѣдко посѣщалъ торгъ невольниковъ и. выкупая самъ или чрезъ Акула нѣкоторыхъ изъ нихъ.

дѣлалъ ихъ свободными. Въ одно изъ такихъ посѣщеній толпа зрителей привлекла его вниманіе; онъ подошелъ къ толпѣ и среди ея увидалъ невольницу среднихъ лѣтъ, изнуренную трудами и скорбію; величественная осанка показывала, что она происходила не изъ простаго званія, а всмотрѣвшись пристальнѣе въ ея лице, онъ замѣтилъ нѣкоторое сходство съ дочерью Романца Прасковьей. Отъ продавца онъ узналъ, что эта рабыня привезена изъ гор. Сигстуна (нынѣшній Стокгольмъ), что онъ купилъ ее у моряковъ и что родины ея не знаетъ, но, по непонятному для него нарѣчію, думаетъ, что она иноземка.

Кн. Семенъ купилъ ее для Колпы, который былъ очень радъ такой покупкѣ, такъ какъ она оказалась въ его домѣ вовсе не лишней и только одно незнаніе варяжскаго языка затрудняло новую рабыню при отправленіи своихъ обязанностей. Происхожденіе свое она хранила въ тайнѣ, но вскорѣ сонъ выдалъ ее. Однажды домоправительница воеводы сказала князю Семену, что купленная имъ рабыня говоритъ во снѣ на какомъ-то непонятномъ для нея нарѣчіи, и обѣщала сказать князю, когда такой разговоръ повторится. Вскорѣ она позвала князя, и онъ, подойдя къ спящей рабынѣ, услышалъ, что она говорила на чистомъ

новгородскомъ нарѣчіи; однако князь скрылъ это отъ домоправительницы, сказавъ ей, что и онъ не понимаетъ, на какомъ языкѣ говоритъ спящая. На другой день князь призвалъ рабыню и сталъ спрашивать о ея родинѣ; та стала объяснять ему знаками, что она его не понимаетъ; но князь, не смотря на это, разсказалъ ей о томъ, какъ онъ попалъ въ плѣнъ къ Фрелафу и какъ бѣжалъ отъ него съ дочерью воеводы Романца Прасковьей. Услышавъ эти имена, рабыня упала передъ нимъ на колѣни и просила прощенія въ томъ, что обманула его незнаніемъ новгородскаго нарѣчія, и тутъ же объявила, что она жена воеводы Романца, и умоляла князя сказать ей, что сталось съ ея дочерью Прасковьей. Князь Семенъ поднялъ ее, успокоилъ и подробно разсказалъ все, что случилось съ нимъ со времени бѣгства отъ Фрелафа и до настоящаго времени. Слушая его, супруга Романца проливала слезы радости, узнавъ, что мужъ ея и дочь живы.

Оставивъ обрадованную супругу Романца, кн. Семенъ пошелъ къ Колѣ и разсказалъ ему все, что узналъ о его новой рабынѣ; Колпа, выслушавъ этотъ разсказъ и узнавъ, что она жена воеводы Романца, тутъ же далъ

ей полную свободу и, по просьбѣ кн. Семена, принялъ ее въ свою семью, какъ родную.

Вдругъ пронеслась вѣсть, что сильная новгородская рать, подъ предводительствомъ Романца, наводнила всю Водскую пятину и, взявъ Орѣшекъ, идетъ къ Нейштату. Страхъ и уныніе напали на жителей города, потому что горсть воиновъ Колпы не могла защищать крѣпости, а помощи воевода ни отъ кого не ждалъ. Закручинился Колпа; настало для него тяжелое время, но кн. Семенъ всю невзгоду взялъ на себя и обѣщалъ заключеніе скораго мира.

Когда новгородцы обложили Нейштатъ и готовились сдѣлать приступъ, изъ крѣпости вышло посольство, въ сопровожденіи тѣлохранителей, и отправилось въ станъ новгородцевъ вести рѣчь о мирѣ; въ числѣ тѣлохранителей находились два латника съ опущенными на лице рѣшетками шлемовъ. Посольство было введено въ шатеръ Романца, который въ это время велъ бесѣду съ своими ратными товарищами. Тотчасъ же стали вести рѣчь о мирѣ. но эти переговоры не привели ни къ чему, потому что чего требовалъ Романецъ, на то посольство не соглашалось, и одна сторона разсчитывала на уступку другой, такъ что дѣло кончилось ничѣмъ и посольство стало вы-

ходитъ изъ шатра Романца. Въ это время одинъ изъ латниковъ посольства вскричалъ:

— Романецъ! прости на вѣки: я тебя болѣе не увижу! и въ безпамятствѣ упалъ на землю.

Знакомый голосъ потрясъ всю душу Романца, и онъ едва могъ воротить посольство и сказать:

— Всемогущій Боже! я слышу голосъ моей жены!

— Правда твоя, отвѣчалъ ему одинъ изъ пословъ Колпы.

Послѣ этихъ словъ Романецъ подошелъ къ лежавшему на землѣ латнику, снялъ съ него шлемъ и узналъ въ латникѣ свою супругу. Свиданіе ихъ было трогательное. Послѣ этого, конечно, о войнѣ не могло быть и рѣчи, и миръ былъ заключенъ тотчасъ же.

По заключеніи мира, посолъ Колпы обратился къ Романцу съ такими словами:

— Я покончилъ одну половину даннаго мнѣ порученія, а теперь поведемъ рѣчь о другой: вѣдь латникъ Люша до сихъ поръ томится въ тяжкой неволѣ и до сихъ поръ продается на торгу въ числѣ другихъ невольниковъ; что ты объ немъ скажешь?

— Жизнь за жизнь, неволя за неволю! воскликнулъ Романецъ: я тогда же послалъ съ

кормчимъ выкупъ за мою дочь, но ни кормчій, ни Люша не возвратились, а между тѣмъ отыскивавшіе меня новгородцы нашли меня, увезли съ собою и опять выбрали воеводою ратнымъ; теперь всѣ мои сокровища и моя свобода пойдутъ на выкупъ моего друга Люши.

Съ этими словами Романецъ сдалъ свою воеводскую должность старшему по себѣ воеводѣ, простился съ только что найденной женой и вышелъ вонъ изъ шатра. Въ это время къ нему подходитъ другой латникъ съ опущенной рѣшеткой шлема, останавливаетъ Романца за руку и, поднявъ рѣшетку, говоритъ:

— Остановись! Люша никогда не допуститъ до этого.

Романецъ долго стоялъ недвижимъ, когда въ говорившемъ узналъ самого Люшу, возвратившаго ему жену и дочь.

Шумно и радостно праздновали обѣ стороны заключеніе мира; пиршество слѣдовало за пиршествомъ, то въ военномъ станѣ новгородцевъ, то въ городѣ Нейштатѣ; наконецъ торжество кончилось, и воевода Романецъ, въ сопровожденіи жены и кн. Семена, вмѣстѣ съ войскомъ отправился въ Новгородъ. Молодой кн. Акулъ также не захотѣлъ разстаться съ своимъ учителемъ кн. Семеномъ и пошелъ съ нимъ въ

Новгородъ на чужихъ людей посмотрѣть, да и себя показать.

По прибытіи въ Новгородъ, воеводу Романца и храбраго защитника гор. Орѣшка князя Семена приняли съ торжествомъ и въ честь ихъ городъ устроилъ богатый пиръ. Послѣ этихъ торжествъ началось пиршество въ домѣ Романца, гдѣ угощали гостей жена Романца и дочь Прасковья. Это пиршество не прошло безъ послѣдствій: молодой кн. Акулъ полюбилъ Прасковью и открылся въ этомъ своему учителю, а тотъ, похваливъ его выборъ, постарался устроить ихъ свадьбу. Вскорѣ послѣдовала пышная свадьба, по окончаніи которой молодая чета отправилась въ Нейштатъ, а кн. Семенъ уѣхалъ въ Ростовъ.

Уходя въ Новгородъ съ ростовскою ратью, князь Семенъ оставилъ на попеченіе родныхъ свою жену княгиню Матрону и двухъ малолѣтнихъ сыновей: Михаила и Андрея. Трехгодичное пребываніе его въ плѣну совершенно разстроило здоровье княгини; она думала, что князя давно уже нѣтъ въ живыхъ, потому что возвратившіеся въ Ростовъ воины разсказывали ей, что они видѣли его сильно израненнымъ и бьющимся въ одиночку съ многочисленнымъ непріятелемъ, а потому княгиня всей душой желала какъ можно скорѣе соеди-

ниться съ нимъ въ лучшей жизни. Тоска по любимомъ мужѣ скоро уложила ее въ постель, съ которой она уже и не встала; вѣсть о томъ, что мужъ ея живъ и скоро возвратится къ ней, не могла уже возстановить ея здоровья, такъ какъ рука смерти уже коснулась ея. И не радостенъ же былъ пріѣздъ кн. Семена въ свой домъ: княгиня, лишь только увидѣла любимаго мужа, какъ тутъ же въ его объятіяхъ и испустила духъ. По смерти супруги, кн. Семену осталась одна отрада; это— дѣти: Михаилъ и Андрей, черты лица которыхъ ежечасно напоминали ему княгиню.

Прошло немало времени съ тѣхъ поръ, какъ скончалась княгиня Матрона, какъ вдругъ однажды утромъ входятъ къ кн. Семену четверо его друзей: воевода Колпа, Романецъ и Акулъ съ Прасковьей. Послѣ дружескихъ объятій, Колпа и Романецъ объяснили князю, что оба они изгнаны изъ отечества за то, что заключили въ Нейштатѣ миръ, и что дѣти также послѣдовали за ними.

— Мы пришли искать у тебя убѣжища, сказалъ Романецъ.

Пріѣздъ друзей доставилъ князю Семену большую отраду, тѣмъ болѣе, что теперь онъ безпрепятственно могъ исполнить обѣтъ, данный имъ при гробѣ супруги,—быть инокомъ: те-

перь у него были люди, которымъ онъ могъ поручить воспитаніе своихъ дѣтей. Вскорѣ, по совѣту князя, пришельцы поселились на крутомъ берегу р. Устья, гдѣ и построили себѣ теремъ *), а спустя немного времени, князь поручилъ свой удѣлъ, свой теремъ **) и воспитаніе дѣтей своимъ друзьямъ; самъ постригся въ ростовскомъ Аврааміевомъ монастырѣ, подъ именемъ Арсенія, и впослѣдствіи изъ настоятелей этой обители былъ назначенъ ростовскимъ епископомъ.

---

*) Теперь на этомъ мѣстѣ стоитъ дер. Акулово. По смерти Акула, его теремъ перешелъ къ кн. Михаилу Семеновичу Луговскому, а затѣмъ къ его сыну Семену Михайловичу, который и отдалъ его за своей дочерью Варварой, выданной за кн. Аоанасія Васильевича Лобанова.

Прим. Артынова.

**) Теперь на этомъ мѣстѣ находится село Филиппова гора, а въ древности, по преданію, тутъ стоялъ теремъ ростовскаго богатыря Дикуна; позднѣе на томъ же мѣстѣ жилъ въ уединеніи пустынникъ Всевѣдъ, или кн. Ярославъ Святославичъ, сынъ князя Святослава Ольговича Черниговскаго, а послѣ него тутъ поселились Романецъ и Акулъ; отъ нихъ этотъ теремъ поступилъ въ собственность ростовскаго кн. Петра Андреевича, супруга

IV. Князь Семенъ Михайловичъ.

XV вѣкъ.

Вскорѣ послѣ смерти кн. Михаила Семеновича Луговскаго, велико-княжескимъ намѣстникомъ Срѣтенской стороны города Ростова былъ назначенъ сынъ его Семенъ Михайловичъ, другой же половиной Ростова, Борисоглѣбской, владѣлъ кн. Василій Юрьевичъ Шемяка Косой, такъ что, стало быть, тогда въ городѣ одновременно было два владѣтеля: великокняжескій и удѣльный.

Вскорѣ красота княгини Гликеріи, жены князя Семена, стала извѣстна развратному князю Шемякѣ, жившему въ своей удѣльной собственности, волости Угожи *), между тѣмъ какъ

котораго кн. Анна передала его кн. Семену Ивановичу Яну, а сынъ Петръ Семеновичъ отдалъ его въ приданое за дочерью своей Соломонидой, выданной за кн. Михаила Андреевича Пріимкова.

Прим. Артынова.

*) По преданію, въ старину на мѣстѣ нынѣшняго села Угодичъ находился теремъ княгини Будиславы-Угоды, дочери ростовск. князя Печегда; а впослѣдствіи это мѣсто, благодаря своему положенію близъ озера и прекрасной охотѣ, сдѣла-

у его намѣстниковъ кн. Дмитрія Дмитріевича Пріимкова-Третьяка и кн. Владиміра Дмитріевича Бритаго-Бычкова-Голаха судъ и правда продавались по произволу и грабительства въ удѣлѣ производились безнаказанно. По сосѣдству съ Угожью у кн. Шемяки стоялъ потѣш-

---

лось любимымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ ростовскихъ удѣльныхъ князей. По смерти в. кн. св. Владиміра, Угожь, вмѣстѣ съ Ростовомъ, перешла преемственно къ его сыновьямъ Ярославу, Борису и Мстиславу Владиміровичамъ, а потомъ къ кн. Владиміру и Всеволоду Ярославичамъ, Олегу Святославичу, Мстиславу и Изяславу Владиміровичамъ, Владиміру Мономаху, Юрью Владиміровичу Долгорукому, Глѣбу Юрьевичу и Андрею Боголюбскому, Ростиславу Бездонному, Михаилу и Всеволоду Юрьевичамъ, Константину и Юрію Всеволодовичамъ, Васильку Константиновичу, Борису и Глѣбу Васильковичамъ, Дмитрію Борисовичу, Васильку II, Константину Васильковичу; а послѣ него Угожь перешла въ удѣльную собственность вел. кн. Ивана Даниловича Калиты, потомъ сына его Андрея, затѣмъ князей: Владиміра Андреевича Брюхатаго, Юрія Ивановича Нѣмаго, Дмитрія Ивановича Донскаго, Юрія Дмитріевича Шемяки, Василія Юрьевича Шемяки, Дмитрія Дмитріевича Пріимкова-Третьяка, Андрея Ѳедо-

ный теремъ, бывшій во ржи княжей, въ которомъ онъ и проводилъ большую часть времени среди безчинствъ и неистовствъ *).

Шемяка во что бы то ни стало задумалъ обольстить и увезти княгиню Гликерію. Хотя онъ и слышалъ про ея строгую нравственность, но этому не придавалъ ровно никакой цѣны

ровича Голубаго, вел. кн. Василія Темнаго, Ивана Васильевича Гордаго, Василія Васильевича Пріимкова-Волка, Никиты Ивановича Лобанова-Груза, Анны Васильевны Лобановой-Грузы, Анисьи Никитишны Лобановой, Елены Васильевны Глинской, царя Ивана Грознаго и ц. Ѳеодора Іоанновича. *Прим. Артынова.*

*) Въ этомъ теремѣ, стоявшемъ среди засѣянныхъ рожью полей, Шемяка творилъ всякія безчинства, вслѣдствіе чего и протекавшій тутъ ручей, существующій и донынѣ, и до сихъ поръ носитъ данное ему еще Шемякой непечатное названіе. Когда Шемяка былъ прогнанъ изъ Ростова, то мѣсто это купила княжна Анна Константиновна Касаткина и поставила тутъ поселокъ, а нынѣ село Воржу, приложивъ его къ ростовскому архіерейскому дому, гдѣ владыкой Вассіаномъ и былъ вырытъ существующій и донынѣ прудъ. Въ этомъ поселкѣ жили потомъ государевы ловцы, поставлявшіе изъ озера рыбу въ Московскій дво-

и не считалъ это препятствіемъ для исполненія своихъ замысловъ, потому что, по его мнѣнію, золото и отвага могли служить лучшими ключами къ женскимъ добродѣтелямъ. и потому-то онъ и надѣялся тѣмъ или другимъ средствомъ побѣдить неприступную красавицу. Однако подосланныя имъ къ княгинѣ посредницы не имѣли успѣха и возвратились къ нему ни съ чѣмъ. Это было для Шемяки довольно чувствительнымъ ударомъ, но онъ не унывалъ. Не довѣряя этого дѣла другимъ, онъ самъ нарядился въ одежду нищаго и въ такомъ видѣ пришелъ во дворъ къ княгинѣ въ Лугово дворище. Самъ онъ точно также не достигъ желанной цѣли, но съ помощію денегъ и обѣщанія подарковъ добился лишь того, что склонилъ на свою сторону одну изъ служанокъ княгини, которая и обѣщала его извѣстить о томъ, когда не будетъ дома князя Семена. Дѣйствительно, вскорѣ кн. Семенъ уѣхалъ въ

рецъ. Въ память того, что литва, разоривъ окрестности Воржи, не коснулась поселка, митрополитъ Филаретъ Никитичъ построилъ здѣсь деревянную церковь Рождества Богородицы, а митропол. Іона III. выстроилъ потомъ новую каменную во имя Покрова Богородицы.

Прим. Артынова.

Москву къ великому князю; Шемяка торжествовалъ. Лишь только кн. Луговской уѣхалъ, какъ онъ съ своими сообщниками, братьями «сбродичами», князьями Васильемъ Александровичемъ Ласткой, Иваномъ Александровичемъ Лобановымъ, Семеномъ Андреевичемъ Голенинымъ, пріѣхалъ ночью въ его теремъ; сообщница Шемяки тихо впустила ихъ, и они, не много думая, разграбили весь теремъ, а княгиню Гликерію увезли въ Угожь, откуда Шемяка, не медля, въ ту же ночь, и отправилъ ее съ особой стражей въ свой удѣлъ и велѣлъ до его пріѣзда заключить ее въ особый теремъ въ гор. Галичѣ.

Удалые сподвижники Шемяки, князья «братья сбродичи», везшіе кн. Гликерію, не смотря на ночную пору и страшную грозу, прискакали къ селу Никольскому на перевозъ *) и именемъ кн. Василья требовали немедленной переправы

*) Въ старину, какъ гласитъ преданіе, тутъ стоялъ теремъ княжны Прозоры-Сулы, дочери ростовскаго кн. Гремислава; затѣмъ впослѣдствіи рост. кн. Константинъ Всеволодовичъ построилъ здѣсь церковь по тому случаю, что тутъ былъ найденъ пропавшій его любимый соколъ; близъ этой церкви стоялъ теремъ кн. Ѳеодора Дмитр. Гвоздева, сынъ котораго Осипъ Ѳедоровичъ отдалъ

черезъ р. Устье. Старикъ-перевощикъ отказался перевозить ихъ въ такую пору и просилъ обождать ихъ до утра, переночевавъ у него: братья сбродичи согласились на это, тѣмъ болѣе, что дождь промочилъ ихъ до костей. Придя въ избу, они заперли княгиню въ чуланъ. ключъ отъ котораго взялъ себѣ старшій сбродичъ и повѣсилъ его себѣ на поясъ.

Шумная пирушка гостей оживила курную избу перевощика. а вино скоро развязало всѣмъ языки. Пользуясь этимъ, старикъ вывѣдалъ у нихъ о томъ. что за красавицу они везутъ, и. хваля удаль Шемяки, самъ между тѣмъ рѣшился освободить плѣнницу. Вино лилось рѣкою, рѣкою лились и рѣчи; наконецъ хмѣль взялъ свое, и пьяные гости, улегшись. гдѣ ни попало, скоро заснули богатырскимъ сномъ.

Въ это время запертая въ чуланѣ княгиня горько плакала. Между тѣмъ старикъ снялъ у спящаго сбродича съ пояса ключъ, отперъ чуланъ и, вошедши къ княгинѣ, совѣтовалъ ей спастись бѣгствомъ и укрыться до времени возвращенія ея супруга у его дочери, жившей

его въ приданое за своей дочерью Анастасіей, выданной кн. за Ивана Петровича Щепина-Безсона. *Прим. Артынова.*

неподалеку; для этого онъ принесъ ей дочернину одежду, которую княгиня и надѣла, а свою разбросала по чулану и вышла со старикомъ. Старикъ заперъ чуланъ и по прежнему повѣсилъ ключъ на поясъ сбродича, потомъ перевезъ княгиню на другой берегъ рѣки и, указавъ ей дорогу къ дочери, возвратился домой и легъ на печь. Рано на другой день поднялись Шемякины удальцы, и когда собрались въ путь, то старшій изъ нихъ пошелъ за княгиней. Отперевъ чуланъ и увидѣвъ въ немъ однѣ только княгинины одежды, онъ очень этому удивился и сталъ звать братьевъ; долго дивились они исчезновенію княгини и не могли придумать, куда она могла дѣваться. Въ это время подошелъ къ нимъ старикъ и спросилъ ихъ, о чемъ они такъ спорятъ; братья сказали ему о пропажѣ княгини.

— Ну, такъ и есть! отвѣчалъ старикъ: перестаньте шумѣть, а лучше послушайте: я разскажу вамъ, что со мною случилось. Только что стало свѣтать, я всталъ и пошелъ посмотрѣть, поуспокоилась ли рѣка и не попортила ли чего вчерашняя буря; нашедши все въ цѣлости, я возвратился домой и только что отворилъ сѣнныя двери, какъ нырь изъ дверей прямо мнѣ въ глаза сорока, даже напугала меня. Что за притча? думаю себѣ:

откуда у меня могла взяться сорока, да еще такъ рано утромъ? Теперь дѣло ясно: княгиня обратилась сорокой и улетѣла; поминай ее, какъ звали!

Братья повѣрили этой сказкѣ, тѣмъ болѣе, что знали, что народъ считалъ княгиню начетчицей и чернокнижницей, что̀ подтвердилъ имъ и старикъ, а потому братья на томъ и порѣшили, что княгиня, обратясь сорокой, улетѣла.

Посудили, порядили объ этомъ братья-сбродичи и положили на томъ, что сороки имъ не поймать, а лучше возвратиться въ Ростовъ къ кн. Василью. Они такъ и сдѣлали. Пріѣхавъ къ князю, они подробно разсказали о случившемся; однако Шемяка, хотя и былъ увѣренъ въ томъ, что съ ихъ стороны измѣны быть не могло, но сказкѣ ихъ не повѣрилъ, а подозрѣвалъ, что это дѣло старика перевощика, а потому и велѣлъ тайно слѣдить въ окрестностяхъ Николы на перевозѣ и Лугова дворища. Но какъ его досмотрщики ни слѣдили, а ничего не выслѣдили: о княгинѣ не было ни слуху, ни духу.

Настала наконецъ и зима съ жестокими крещенскими морозами, и въ это-то неблагопріятное время открылась междоусобная война между вел. княземъ Васильемъ Васильевичемъ

и княземъ Васильемъ Шемякой-Косымъ. Война охватила все пространство между селомъ Великимъ Козмодемьянскомъ *) и Николой на перевозѣ. На Красной горѣ **) произошла жестокая битва, при чемъ рать Шемяки была разбита на голову. о чемъ и привезъ вѣсть въ ставку великаго князя ***) ростовскій князь Михайло Ивановичъ Пужбольскій-Шенданъ.

Съ остатками разбитой рати прискакалъ въ станъ Шемяки, находившійся на Курбаковомъ полѣ, ****) старикъ князь Дмитрій Пріимковъ-Третьякъ и сообщилъ ему, что дѣло его проиграно. Шемяка въ это время въ стану пировалъ съ своими друзьями кн. Васильемъ Александровичемъ Ласткой, Иваномъ Александрови-

---

*) Эти села находятся теперь въ предѣлахъ Ярославскаго уѣзда.

**) На этомъ мѣстѣ стоитъ теперь с. Карабиха, Ярослав. у.

***) Теперь тутъ стоитъ д. Ломы, Рост. у. Когда послы прибыли съ поля битвы къ великому князю и донесли ему, что „совершися ломъ Шемякиной рати и великая кара бѣ ей на Красной горкѣ“, то вел. кн. въ память этого событія и назвалъ это мѣсто „Шемякины Ломы“.

****) Курбаково поле принадлежало павшему въ Мамаевомъ побоищѣ рост. кн. Русану Ѳедоро-

чемъ Лобановымъ и Иваномъ Александровичемъ Хохолковымъ-Катыремъ. При этомъ извѣстіи и хмель вышелъ изъ головы Шемяки, и онъ съ своими друзьями и остатками войска пошелъ на утекъ и едва могъ пробраться Никольскимъ полемъ при р. Устье: такъ оно было усѣяно тѣлами его воиновъ! *) Видя это, Шемяка горько заплакалъ и направилъ свой путь къ лѣсамъ Курбы.

Узнавъ о бѣгствѣ Шемяки, велико-княжескіе воеводы погнались за нимъ и снова вступили въ бой. Въ этой битвѣ былъ тяжело раненъ и кн. Семенъ Михайловичъ Луговской; находившіеся при немъ двое ростовскихъ князей Юрій Ивановичъ Темкинъ и Юрій Михайловичъ Касаткинъ тотчасъ же взяли его съ поля битвы и внесли въ находившуюся неполалеку курную избу, въ которой жили двѣ не-

---

чу Щепину; теперь на этомъ мѣстѣ стоитъ дер. Курбаки, Яросл. у.

Прим. Артынова.

*) Теперь тутъ стоитъ д. Кладовицы, Рост. уѣз. Согласно преданію, здѣсь находилась могила царицы Тамары, жены Рост. князя Лѣсогона Одноуса. Впослѣдствіи это мѣсто принадлежало кн. Ивану Семеновичу Лобанову, прозванному „Турій рогъ“.

Прим. Артынова.

богатыя крестьянки. Лишь только одна изъ нихъ увидѣла раненаго князя, какъ бросилась къ нему, называя его своимъ мужемъ и всячески стараясь привести его въ чувство. Князь услыхалъ знакомый голосъ супруги: такая неожиданная встрѣча много облегчила страданія князя и способствовала его выздоровленію.

Вѣсть о такой неожиданной встрѣчѣ скоро дошла и до великаго князя, который вскорѣ съ князьями Романомъ Андреевичемъ Пріимковымъ, Ѳедоромъ Васильевичемъ Голенинымъ, Петромъ Ивановичемъ Катыремъ и Меньшикомъ Юрьевичемъ Касаткинымъ и пріѣхалъ навѣстить кн. Семена, а когда тотъ нѣсколько поправился, то велѣлъ кн. Роману Андреевичу Пріимкову проводить его съ супругой въ его теремъ съ большими почестями.

Князь Сергѣй Семеновичъ.

XV—XVI вв.

Кн. Сергѣй Семеновичъ по большей части жилъ въ Москвѣ, куда онъ былъ вытребованъ велик. княземъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. Во время пребыванія кн. Сергѣя при великоняжескомъ дворѣ, къ нему для послугъ былъ приставленъ ростовскій князь Богданъ Юрьевичъ Касатка.

Въ это время великій князь воевалъ съ Казанскимъ царствомъ. Когда война кончилась, то въ числѣ военныхъ трофеевъ изъ Казани былъ приведенъ въ Москву плѣнникомъ сынъ казанскаго царя Ахмета Кайдакулъ.

Великій князь хотѣлъ обратить его въ христіанство и, имѣя свои разсчеты, намѣревался выдать за него младшую свою дочь Евдокію; но царевичъ ни за что не хотѣлъ измѣнить своей вѣрѣ. Великій князь, хотя на такое упорство и разгнѣвался, но, по совѣту кн. Сергѣя Луговскаго, все это дѣло оставилъ до будущаго времени, такъ какъ теперь было не до того: надо было усмирять нѣмцевъ, тѣснившихъ Полоцкъ. Для этого были посланы въ качествѣ воеводъ ростовскіе князья Михайло Борисовичъ Лобановъ и Петръ Васильевичъ Голубой, которые вскорѣ и усмирили враговъ.

Между тѣмъ великій князь не забылъ про царевича Кайдакула и, будучи имъ за что-то недоволенъ, послалъ его, въ сопровожденіи князей Ивана Васильевича Лобанова-Меньшаго и Петра Дмитріевича Большаго-Буйноса, въ заточеніе въ Ярославль къ тамошнему воеводѣ Соболю. Настоящей причины такого поступка великаго князя никто не зналъ, потому что великій князь отправилъ царевича тотчасъ же

вслѣдъ за происходившимъ между ними разговоромъ.

Въ это время кн. Сергѣй Семеновичъ Луговской шелъ съ княжною Евдокіей къ великой княгинѣ и въ дворцовыхъ переходахъ случайно встрѣтился съ царевичемъ, шедшимъ подъ стражей отъ великаго князя. Тяжкая дума лежала на челѣ его; не смотря на мрачность переходовъ, орлиный взоръ царевича замѣтилъ княжну, которая, при такой неожиданной встрѣчѣ, и сама не упустила случая посмотрѣть плѣннаго героя. Униженіе царевича, ведомаго, какъ преступникъ, подъ стражею, сильно ее разстроило, тѣмъ болѣе, что его умъ и военныя способности были единственными причинами этого униженія, а потому она и просила кн. Луговскаго отвести ее обратно въ княжескій дѣтинецъ. Тамъ она просила совѣта князя, какъ бы освободить царевича. Князь Сергѣй похвалилъ ея состраданіе, но сказалъ, что хлопотать объ освобожденіи плѣнника считаетъ теперь несвоевременнымъ, такъ какъ это можетъ еще болѣе разгнѣвать великаго князя, и безъ того уже сердитаго на царевича за его смѣлые отвѣты.

Княжна замолчала, но чрезъ нѣсколько времени она призвала къ себѣ кн. Луговскаго и между прочимъ спросила его: каково живется

царевичу въ Ярославлѣ у Соболя, и вторично просила князя о томъ, нельзя ли какъ освободить царевича изъ неволи. Князь по прежнему отвѣчалъ, что это дѣло трудное и даже невозможное.

— Напротивъ, возразила ему княжна: дѣло самое легкое и простое: тутъ вся сила въ принятіи христіанской вѣры и въ покорности великому князю.

— Это правда, отвѣчалъ кн. Луговской.

— Я, князь, нашла средство сдѣлать царевича христіаниномъ; только тутъ нужна мнѣ твоя помощь, а одна я сдѣлать ничего не могу.

— Зачѣмъ же я, дряхлый старикъ, тебѣ нуженъ? спросилъ изумленный князь.

— А вотъ для чего, отвѣчала княжна: я узнала, что царевичъ содержится у Соболя подъ карауломъ, но безъ прислуги; ты, впрочемъ съ согласія моего родителя, долженъ опредѣлить меня къ нему прислугой, и тогда я ручаюсь за то, что царевичъ выйдетъ изъ темницы христіаниномъ. Конечно, это пока пусть будетъ тайной для всѣхъ.

Слова княжны до того поразили кн. Семена, что онъ не зналъ, что ей отвѣтить; наконецъ, собравшись съ мыслями, онъ посовѣтовалъ ей все это выкинуть изъ головы, потому что

ея желаніе легко исполнимо только на словахъ, а не на дѣлѣ.

— Напротивъ, возразила ему княжна: оно легко исполнимо и на дѣлѣ. Ты, князь, хорошо знаешь меня съ малолѣтства: вспомни, отступила ли я когда передъ препятствіемъ. Напротивъ, препятствія только усиливаютъ мои стремленія: ты знаешь, что во мнѣ течетъ кровь Палеологовъ, а они рѣдко передъ чѣмъ отступали. Вспомни тотъ день, когда мы съ тобой смотрѣли на торжественное шествіе нашихъ побѣдоносныхъ войскъ изъ Казани; я видѣла тогда, какъ мимо насъ влекли царевича въ оковахъ: ты, я думаю, припомнишь, что я тогда говорила. Я говорила: какая низость такъ обращаться съ нимъ; вѣдь онъ, хотя и плѣнникъ, но царскій сынъ, и хотя онъ былъ тогда въ цѣпяхъ и безоруженъ, но какимъ дивнымъ огнемъ горѣли глаза его!

Ни совѣты, ни препятствія, выставляемыя на видъ княземъ Семеномъ, не могли поколебать княжны; она стояла на своемъ и просила его только о томъ, чтобы онъ въ присутствіи ея завелъ съ ея родителемъ рѣчь объ обращеніи царевича въ христіанство. Князь обѣщалъ исполнить ея просьбу.

Немного времени спустя послѣ этого разговора, кн. Луговскому пришлось быть у ве-

ликаго князя; онъ засталъ его въ кругу семьи. Зашла рѣчь о дѣлахъ политическихъ; послѣ этого кн. Семенъ издалека повелъ рѣчь о томъ, что не худо бы было обратить въ христіанство и царевича Кайдакула. Разговоръ по этому поводу завязался между ними самый оживленный; княжна Евдокія слушала ихъ и улыбалась. Улыбка ея не ускользнула отъ взора великаго князя, и онъ спросилъ ее: почему она улыбается? Княжна встала съ мѣста и почтительно отвѣчала ему:

— Родитель мой! я удивляюсь, что вы, два мудрые собесѣдника, такъ много говорите о самомъ простомъ дѣлѣ.

— Развѣ это для тебя кажется такъ просто? спросилъ удивленный великій князь: развѣ ты знаешь для этого средство?

— Конечно, знаю, рѣшительно отвѣтила княжна: если бы не знала, то и не стала бы вмѣшиваться въ вашъ разговоръ. Вспомните-ка, кто обратилъ въ христіанство кн. Владиміра.

Великій князь съ удивленіемъ посмотрѣлъ на свою дочь и, видя спокойное выраженіе ея лица, съ улыбкой отвѣчалъ:

— Тамъ была царевна Анна, а у насъ такой нѣтъ, и, желая устыдить ее, прибавилъ:

— Ужъ и ты не хочешь ли быть царевной Анной?!

— На это будетъ воля родителя: если онъ велитъ, я повинуюсь и за успѣхъ ручаюсь.

— Хорошо, сказалъ удивленный такимъ отвѣтомъ князь: если я тебѣ это позволю, то что ты съ нимъ будешь дѣлать?

— Это моя тайна, отвѣчала съ поклономъ княжна: если ты мнѣ позволишь это, то я вторично увѣряю тебя, что Кайдакулъ самъ будетъ просить объ обращеніи его въ христіанство.

— И руки твоей? спросилъ съ улыбкой великій князь.

— Дѣло идетъ не о моей рукѣ, твердо отвѣчала княжна, а о приведеніи невѣрнаго въ христіанскую вѣру, и знай, что дочь великаго князя Ивана Васильевича не уронитъ себя и останется достойною его дочерью.

Вскорѣ послѣ этого великій кн. Иванъ Васильевичъ съ супругой своей Маріей Борисовной и дочерью Евдокіей отправились въ Ростовъ для поклоненія святителю Леонтію. Въ свитѣ его находились ростовскіе князья: Сергій Луговской, Владиміръ Михайловичъ Касаткинъ, Иванъ Юрьевичъ Бритый-Бычковъ, Иванъ Ивановичъ Пужбольскій, Истръ Дмитріевичъ Безчастный, Семенъ Дмитріевичъ Щепинъ, Андрей Андреевичъ Смола и кн. Андрей Васильевичъ Угличскій. Ростовскій владыка

Іоасафъ встрѣтилъ ихъ съ подобающею честью.

Съ согласія родителя, княжна Евдокія, въ сопровожденіи кн. Семена Луговскаго, отправилась въ Ярославль, подъ именемъ кн. Ивана Александровича Хохолкова-Буйноса. По прибытіи туда, кн. Луговской именемъ великаго князя велѣлъ воеводѣ Соболю опредѣлить молодаго князя для послуги къ царевичу. Соболь немедленно исполнилъ приказаніе великаго князя и отвелъ молодаго служителя въ темницу къ Кайдакулу; тотъ черезъ Соболя благодарилъ великаго князя за его вниманіе, но съ состраданіемъ посмотрѣлъ на новаго своего слугу и, по уходѣ Соболя, сказалъ ему:

— Иванъ! тебя прислали служить мнѣ, но сказали ли тебѣ, что изъ этой тюрьмы до сихъ поръ никто не выходилъ еще живымъ, ни преступникъ, ни слуга его?

Тотъ отвѣчалъ, что онъ присланъ только для послуги и больше ничего не знаетъ.

— Сто разъ я благодарю великаго князя за то, что онъ при этомъ никого не печалитъ и не отнимаетъ надежды къ спасенію. Вѣроятно, ты не въ опалѣ? спросилъ царевичъ и, получивъ удовлетворительный отвѣтъ, продолжалъ: мнѣ становится жаль смотрѣть на

тебя: ты молодъ: веселье и забавы нужны тебѣ, а здѣсь что ты встрѣтишь? одну скуку, которую тебѣ придется раздѣлять со мной; конечно, для меня это отрада, потому что одиночная жизнь убивала меня.

— Я пришелъ сюда не для забавъ и удовольствія, отвѣчалъ служитель: я буду счастливъ даже тѣмъ, если вызову на устахъ твоихъ улыбку.

— Напрасный трудъ! сказалъ царевичъ: я здѣсь вѣчный узникъ и притомъ узникъ вдвойнѣ: кромѣ вещественныхъ оковъ, я ношу еще другія, болѣе тяжелыя; это — оковы любви! Съ этихъ поръ, продолжалъ Кайдакулъ, ты будешь мнѣ не слугой, а другомъ; садись же со мной рядомъ; я буду вести разговоръ съ тобой по дружески и открою тебѣ всю мою душу.

Мнимый служитель благодарилъ его за такое къ нему расположеніе и сказалъ, что постарается оправдать его.

— Послушай же, продолжалъ царевичъ, что я скажу тебѣ: у тебя есть сестра?

Получивъ отъ слуги отвѣтъ, что у него нѣтъ сестры, Кайдакулъ продолжалъ:

— У тебя удивительное сходство съ одной встрѣченной мною незнакомкой. Слушай же, я разскажу тебѣ про эту встрѣчу. Когда ве-

домый съ торжествомъ моими побѣдителями я шелъ въ цѣпяхъ по улицамъ московскимъ, то, подходя къ великокняжескому крыльцу, я замѣтилъ на немъ старика вельможу, а съ нимъ твоего двойника. Это, вѣроятно, была его внука, которая смотрѣла на меня: но чудный взглядъ ея былъ вовсе не похожъ на взгляды другихъ: въ немъ было видно много состраданія къ проходившему мимо ея узнику. Благодарность моя къ ней за такое состраданіе сойдетъ со мною въ могилу. Взглядъ этотъ и теперь не вышелъ у меня изъ памяти, и съ какою бы благодарностію я упалъ тогда къ ея ногамъ! Въ день моего сюда отправленія я вторично съ нею встрѣтился въ дворцовыхъ переходахъ; съ нею былъ тотъ же старикъ вельможа; взоры наши встрѣтились и... покорили меня на вѣки. Не знаешь ли ты ее?..

Но его новый другъ ему отвѣтилъ, едва выговаривая отъ волненія:

— Царевичъ! прости меня, что я немного смутился: слова твои привели меня въ какое то волненіе.

Пользуясь такимъ смущеніемъ, царевичъ скоро догадался, кто былъ его новый слуга, который также уже не могъ долѣе скрывать себя и во всемъ передъ нимъ сознался. Тогда ца-

ревичъ, стоя предъ княжной на колѣняхъ, увѣрялъ ее, что онъ принадлежитъ ей, и просилъ ея руки, обѣщаясь немедленно принять христіанскую вѣру.

Послѣ этого княжна тотчасъ же пошла къ князю Луговскому и разсказала ему обо всѣмъ случившемся. Тотъ долго дивился ея скорому успѣху и немедленно отправился съ ней обратно въ Ростовъ донести объ этомъ великому князю. Ихъ скорое возвращеніе очень удивило великаго князя, а успѣхъ дочери превзошелъ его ожиданія. Онъ тотчасъ же вызвалъ царевича изъ Ярославля, обласкалъ его, обѣщалъ руку дочери и на время оставилъ его въ Ростовѣ на попеченіи воеводы кн. Ивана Ивановича Лобанова-Большаго и кн. Сергѣя Луговскаго, а ростовскому владыкѣ Іоасафу поручилъ обучить царевича правиламъ христіанской вѣры. Все это время царевичъ жилъ у кн. Луговскаго то въ его вотчинѣ въ Луговомъ дворищѣ, то въ его ростовскомъ домѣ, находившемся въ Стефановской сотнѣ.

VI. Князь Юда Сергѣевичъ.

XVI вѣкъ.

Когда великій князь Василій Ивановичъ насильно постригъ въ монашество въ Суздалѣ свою жену княгиню Соломонію, происходившую

изъ рода бояръ Сабуровыхъ, и женился на Еленѣ Васильевнѣ Глинской, то Соломонія послѣ постриженія объявила себя беременною. Для ея освидѣтельствованія были посланы жена Казангія Григорья и жена постельничьяго Якова Мазуры; онѣ нашли ея показаніе справедливымъ, о чемъ и донесли великому князю. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени Соломонія родила сына Юрія и успѣла скрыть его отъ посланныхъ великаго князя совѣтника Ѳедорика и секретаря Поѳана.

Какъ разъ въ это время пріѣхалъ въ Суздаль по своимъ дѣламъ кн. Сергѣй Семеновичъ Луговской, приходившійся Соломоніи близкимъ родственникомъ по женской линіи. Княгиня тайно призвала его къ себѣ и просила его скрыть и воспитать ея сына Юрія. Такъ какъ кн. Луговской не имѣлъ дѣтей, то онъ охотно согласился на ея просьбу и немедленно увезъ Юрія въ Ростовъ и усыновилъ его, а черезъ годъ у него родился и свой сынъ, по имени Юда.

Неясные слухи о царевичѣ Юріи ходили и въ народѣ и доходили даже до слуха царевича Ивана Васильевича; но онъ этимъ слухамъ о существованіи старшаго брата, рожденнаго отъ Соломоніи, не придавалъ никакого значенія и считалъ это просто выдумкой.

Юда и Юрій воспитывались княземъ Луговскимъ по старинѣ, т. е. въ страхѣ Божіемъ и покорности великому князю. Братья жили въ мирѣ и полномъ согласіи, а склонность ихъ къ военнымъ занятіямъ весьма радовала старика Луговскаго, который не задолго до смерти и раздѣлилъ между ними свои вотчины: князю Юрію онъ отдалъ село Вышеславцево, будто бы купленное имъ у Соломоніи Сабуровой, а на самомъ дѣлѣ отданное ей своему сыну, а Юдѣ отдалъ Глухово, или Лугово дворище.

Послѣ этого не долго жилъ кн. Сергѣй Луговской: жестокая болѣзнь сразила его. Предчувствуя кончину, онъ призвалъ къ себѣ Юрія и наединѣ объявилъ ему о томъ, кто его настоящіе родители, и взялъ съ него клятву все сказанное хранить въ тайнѣ и никоимъ образомъ не домогаться царскаго престола, не заводить междуусобной войны съ братомъ, а покоряться ему, какъ царю, и не щадить за него своего живота и въ заключеніе взялъ съ него слово не говорить обо всемъ этомъ названному своему брату.

По смерти кн. Сергѣя Семеновича Луговскаго, молодые князья-братья Юрій и Юда жили, какъ говорится, душа въ душу. Однажды они узнали, что не очень далеко отъ

нихъ живутъ въ своемъ родовомъ теремѣ *) двѣ сестры красавицы: одна дочь кн. Ивана Петровича Щепина-Безсона, по имени Дарья, а другая дочь кн. Даниды Петровича Щепина—Марія; кромѣ красоты, онѣ славились и рукодѣльемъ, такъ что ни одна ростовская княжна не могла въ этомъ съ ними соперничать, а напротивъ того онѣ нарочно пріѣзжали посмотрѣть на искусство сестеръ и у нихъ поучиться.

Князья братья также захотѣли посмотрѣть ихъ и отправились къ нимъ въ теремъ. Пріѣздъ ихъ перепугалъ княженъ, никогда не видавшихъ у себя подобныхъ посѣтителей; но князья, извиняясь въ своемъ посѣщеніи и желая успокоить ихъ, сказали, что они, блу-

*) На этомъ мѣстѣ теперь стоитъ с. Талицы. Согласно преданію, въ старину тутъ былъ теремъ кн. Судиславa, а впослѣдствіи времени тутъ была вотчина кн. Петра Борисовича Щепина, по смерти котораго она и перешла къ его сыновьямъ Даниду и Ивану Петровичамъ Щепинымъ. По смерти этихъ князей, тутъ жили ихъ дочери Дарья и Марія, вышедшія впослѣдствіи замужъ за кн. Юрія и Юду Луговскихъ. Послѣднимъ владѣльцемъ этой вотчины былъ Яковъ Борисовичъ Щепинъ. *Прим. Артынова.*

ждая по окрестностямъ терема, потеряли дорогу и, назвавъ себя, просили княженъ позволить имъ нѣсколько отдохнуть. Успокоенныя княжны просили гостей откушать у нихъ хлѣба-соли, на что тѣ охотно согласились. Во время разговора гости завели рѣчь о рукодѣльи княженъ и пожелали посмотрѣть на ихъ работу; осмотрѣвъ подробно ихъ рукодѣлья, князья простились и уѣхали отъ нихъ, совершенно обвороженные красотою и радушіемъ хозяекъ.

Послѣ первой встрѣчи, посѣщенія князьями Луговскими княженъ Щепиныхъ продолжались и даже очень часто; наконецъ они привели къ тому, что князья стали просить руки княженъ: кн. Юрій просилъ руки бойкой и развязной княжны Дарьи, а Юда — скромной и тихой Маріи. Получивъ согласіе, вскорѣ каждый изъ нихъ и женился на своей избранной.

Черезъ годъ у кн. Юды родился сынъ, котораго назвали Томилой. Кн. Юрій былъ ему воспріемникомъ, что еще болѣе скрѣпило дружбу двухъ братьевъ, жившихъ каждый въ своей вотчинѣ: кн. Юрій жилъ въ Вышеславцевѣ, а кн. Юда въ Луговомъ дворищѣ.

Наконецъ насталъ знаменитый казанскій походъ, подъ предводительствомъ самого юна-

го царя Ивана Васильевича. Вся его свита состояла тогда исключительно изъ князей Ростовскихъ и Ярославскихъ; тутъ были князья Ростовскіе: Борисъ Владиміровичъ Щепинъ, Иванъ Ивановичъ Пріимковъ, Василій и Семенъ Наумовичи Пріимковы, Иванъ и Александръ Ивановичи Лобановы и Никита Ивановичъ Лобановъ. Въ числѣ первыхъ откликнувшихся на призывъ царя были и князья Юрій и Юда Луговскіе; они первыми явились на соборное мѣсто въ Ростовъ, куда вскорѣ прибыли и князья Ярославскіе: Иванъ Ѳедоровичъ Бѣльскій, Семенъ Ѳедоровичъ Курбскій, Петръ Ѳедоровичъ Охлѣбишинъ, Михайло Ивановичъ Курбскій, Иванъ Шаминъ, Михайло Ивановичъ Засѣкинъ и кн. Иванъ Чулокъ.

При выступленіи ростовской рати къ Москвѣ, князья Луговскіе за братской пирушкой повели рѣчь о томъ, какъ каждый изъ нихъ разставался съ своей женой. Кн. Юрій разсказалъ, что жена его Дарья, разставаясь, проливала потоки слезъ и неоднократно падала въ обморокъ:

— Такъ что, если бы не шелъ со мною ты, братъ, добавилъ Юрій, то я навѣрное остался бы дома.

Прощаніе кн. Юды было совершенно иное: княгиня Марія не проронила ни одной слезинки, а только молилась за него Богу.

Такая разница въ поведеніи княгинь при проводахъ своихъ мужей навела князей Луговскихъ на мысль посмотрѣть тайно ночью, что дѣлаютъ безъ нихъ супруги, при чемъ положили себѣ такое условіе, что если они и увидятъ что-либо худое, то до возвращенія изъ похода ничего супругамъ въ наказаніе не дѣлать и не подавать вида, что они про нихъ что-либо знаютъ. Поэтому, проводя изъ Ростова царскую рать, они остались на нѣсколько времени въ Ростовѣ и ночью отправились въ Лугово дворище. Въ теремѣ кн. Юды была тишина, и только въ спальнѣ кн. Маріи мерцалъ огонекъ; заглянувъ въ окно, они увидѣли, что княгиня Марія молилась, стоя на колѣняхъ передъ иконою. Видя это, кн. Юда повеселѣлъ и спокойный возвратился въ Ростовъ. На слѣдующую ночь князья Луговскіе отправились въ теремъ кн. Щепиныхъ посмотрѣть, что дѣлаетъ княгиня Дарья. Тутъ имъ пришлось увидѣть совсѣмъ иную картину: еще издали увидали они, что во всемъ теремѣ ярко горятъ огни. Кн. Юрій думалъ, что его супруга, подобно сестрѣ своей, утѣшаетъ себя молитвою и что теперь у ней, вѣроятно, идетъ

всенощная, что у кн. Юрія бывало не рѣдко: но на это кн. Юда замѣтилъ, что онъ, дѣйствительно, слышитъ въ теремѣ пѣніе, но что это пѣніе совсѣмъ не походитъ на духовное, а на веселое, и что, вѣроятно, въ теремѣ идетъ не всенощная, а самая веселая пирушка. Посмотрѣвъ осторожно въ окно, они увидѣли, что въ теремѣ шелъ пиръ горой и что слезливая супруга кн. Юрія была на-веселѣ и сидѣла, обнявшись съ извѣстнымъ богачемъ и развратникомъ кн. Яковомъ Ивановичемъ Лобановымъ, и смѣялась на своихъ собесѣдниковъ Ивана Борисовича Щепина и Никиту Ивановича Пріимкова; слуги и сѣнныя дѣвушки были не лучше госпожи: всѣ были пьяны и безчинствовали. Разгнѣванный такимъ зрѣлищемъ кн. Юрій хотѣлъ войти къ пирующимъ и немедленно всѣхъ наказать, начиная съ супруги и кончая послѣднимъ холопомъ; но кн. Юда напомнилъ ему заключенное ими условіе, и они также осторожно, какъ пришли, отправились изъ терема князей Щепиныхъ.

VI. Князь Юда Сергѣевичъ.

XVI вѣкъ.

Послѣ этого князья Луговскіе отправились прямо въ Москву, а оттуда на сборный пунктъ— въ Коломну.

Во время осады Казани кн. Юрій, будучи въ передовой дружинѣ, подъ начальствомъ кн. Семена Наумовича Пріимкова, всегда старался быть тамъ, гдѣ было болѣе опасности: онъ искалъ смерти, желая скорѣе прекратить свою несносную жизнь; но смерть какъ нарочно убѣгала его, и Провидѣніе хранило его для другой жизни. Онъ дважды спасалъ отъ смерти царя и своего брата, оба раза отказываясь отъ наградъ. Однажды ночью онъ былъ посланъ кн. Семеномъ Наумовичемъ къ кн. Петру Ѳеоровичу Охлѣбишину. Возвращаясь назадъ, онъ шелъ тихо, думая о своей судьбѣ; вдругъ онъ слышитъ стукъ мечей и шумъ голосовъ. Полагая, что осажденные напали на обходящую стражу, онъ спѣшитъ на помощь своимъ и вдругъ при свѣтѣ луны видитъ одного бьющагося противъ троихъ противниковъ; по оружію онъ одного изъ сражавшихся призналъ за русскаго латника: онъ бросается къ нему на помощь, и двое татаръ тутъ же падаютъ отъ руки кн. Юрія, а третій, сильно раненый, уже валялся, утопая въ своей крови. Но сколь удивленъ онъ былъ, когда въ бившемся латникѣ онъ узналъ царя, своего младшаго брата. Мрачныя думы родились въ головѣ его и мгновенно охватили все его существо... Обстоятельства благопріятствовали его замысламъ:

ночь, мертвыя тѣла татаръ, глухое мѣсто вдали отъ стана... Одинъ взмахъ меча, и онъ — царь земли русской!.. Но совѣсть, этотъ чистѣйшій даръ небесъ, данный путеводителемъ человѣку, напомнила ему слова его умершаго втораго отца и его клятву, данную умирающему кн. Луговскому. Это мгновенно подавило его преступные замыслы, и онъ уже хотѣлъ скрыться отъ царя-брата, при помощи темноты ночи, но тотъ крѣпко ухватилъ его за руку и съ чувствомъ признательности сказалъ ему:

— Храбрый воинъ! ты трижды спасалъ мою жизнь, но я прежде никакъ не могъ найти тебя; темнота ночи не воспрепятствовала мнѣ узнать тебя. Теперь я обязанъ наградить тебя достойнымъ образомъ.

Князь Юрій старался освободиться изъ рукъ брата, говоря, что онъ не требуетъ себѣ награды, такъ какъ онъ сдѣлалъ только то, что каждый обязанъ сдѣлать на его мѣстѣ, и что онъ только исполнилъ долгъ подданнаго, а потому пусть Богъ наградитъ его. Но царь не слушалъ его и, крѣпко держа за руку, сказалъ:

— Теперь Богъ и царь наградятъ тебя!

Юрій, видя, что ему никакъ нельзя освободиться изъ рукъ брата, вступать же съ нимъ въ единоборство онъ не хотѣлъ, да и не могъ, потому что замѣтилъ близко идущій

отъ нихъ ночной обзоръ, отъ котораго царь могъ себѣ требовать помощи,—князь Юрій, не видя для себя никакого исхода, рѣшился на крайнее средство: онъ припалъ къ уху царя-брата и тихо сказалъ ему:

— Чѣмъ можетъ наградить сынъ Елены Глинской сына Соломоніи Сабуровой?!...

Царь затрепеталъ отъ этихъ словъ; кровь застыла въ его жилахъ; силы покинули его; руки опустились, и онъ долго стоялъ неподвижно, лишенный самосознанія. Когда онъ наконецъ очнулся, то увидѣлъ себя одного, стоящимъ среди труповъ татаръ. Слезы невольно брызнули изъ его глазъ, и онъ громко закричалъ:

— Братъ мой! гдѣ ты, невольный страдалецъ? Приди въ объятія спасеннаго тобою брата.

Но братъ былъ уже далеко отъ него и не слыхалъ его голоса; только эхо въ ночной тиши повторило призывныя слова растроганнаго царя. Дозоръ скоро услышалъ голосъ царскій и окружилъ Іоанна. Начальникомъ дозора былъ кн. Юда Луговской; прибывъ на мѣсто и увидя разстроеннаго царя и валявшіеся трупы татаръ, онъ догадался, что тутъ случилось какое-то необычайное происшествіе. На вопросъ царя о латникѣ кн. Юда отвѣчалъ,

что дорогою онъ никого не встрѣчалъ, но изъ словъ царя онъ понялъ, что это былъ его братъ Юрій, находившійся въ эту ночь на чередѣ у князя Семена Наумовича.

Сдавъ ночной обходъ, кн. Юда возвратился къ себѣ въ шатеръ и къ удивленію своему увидѣлъ лежавшее на столѣ письмо; оно было отъ брата Юрія. Прочитавъ письмо, онъ горько заплакалъ и сказалъ:

— Братъ мой! зачѣмъ ты въ такое время оставилъ меня!

Въ письмѣ кн. Юрій прощался навсегда съ названнымъ братомъ и просилъ его нигдѣ его не отыскивать; село Вышеславцево онъ завѣщалъ своему крестнику, а небольшую часть своего имѣнія невѣрной своей женѣ.

Много уже прошло времени послѣ казанскаго похода; характеръ царя русскаго въ это время успѣлъ уже измѣниться: изъ кроткаго онъ сдѣлался грознымъ. Князь Юда уже состарѣлся и доживалъ свой вѣкъ въ кругу своей семьи въ Луговомъ дворищѣ, часто вспоминая своего брата, а сынъ его Томила находился уже въ Москвѣ на великокняжеской службѣ.

Однажды къ кн. Юдѣ приходитъ послушникъ ростовскаго Бѣлогостицкаго монастыря и отъ имени настоятеля проситъ его немедленно прибыть къ ихъ престарѣлому схимнику Іоанну

Зюзину, который желаетъ видѣться съ нимъ. Объ этомъ схимникѣ и строгой его жизни и прежде доходили слухи до кн. Юды, и ему давно уже хотѣлось сблизиться съ нимъ; но такъ какъ схимникъ не принималъ никого, то его желаніе и не могло исполниться; теперь же самъ схимникъ звалъ его. Прибывъ немедленно въ монастырь, кн. Юда, въ сопровожденіи инока, пошелъ въ келью схимника. Вошедши туда, онъ увидѣлъ лежавшаго на рогожѣ изнуреннаго постомъ старца, который, казалось, уже боролся со смертію. Увидѣвъ вошедшаго князя, схимникъ пожелалъ остаться съ нимъ наединѣ. Когда всѣ вышли, онъ далъ князю знакъ рукою, чтобъ тотъ подошелъ къ нему, и потомъ сказалъ:

— Братъ мой Юда! Ты видишь предъ собой умирающаго грѣшнаго Юрія; не прерывай меня, а выслушай мою исповѣдь. Часы мои уже сочтены, но Господь услышалъ мою молитву и попустилъ меня нынѣ видѣться съ тобой; теперь ты узналъ, кто я. Нашъ общій отецъ кн. Сергѣй, умирая, повѣдалъ мнѣ, что я не сынъ его, а сынъ великаго князя Василія Ивановича, рожденный отъ княгини Соломоніи, которую онъ насильно постригъ въ монашество въ Суздалѣ, подъ именемъ Евѳиміи. До казанскаго похода жизнь моя тебѣ хорошо извѣстна.

Подъ стѣнами Казани я трижды спасалъ жизнь царю брату, и въ послѣдній разъ, если бы я не успѣлъ уйти, онъ открылъ бы, кто я. Изъ Казани я ушелъ въ Москву и тамъ проводилъ жизнь, подъ именемъ юродиваго Юрки, часто имѣя случай укорять въ звѣрскихъ поступкахъ моего кровожаднаго брата. Тамъ я встрѣтился съ своимъ другомъ по селу Вышеславцеву, бояриномъ Шестуномъ, сыномъ Якова Мазюхи и зятемъ Казангія Григорія, жены которыхъ были посланы великимъ княземъ, моимъ отцомъ, для освидѣтельствованія беременности моей матери. Онъ зналъ тайну о моемъ рожденіи отъ своей тещи, жены Григорія Казангія, и впослѣдствіи носилъ имя извѣстнаго тебѣ злодѣя Худеяра*), приходившаго въ Москву ради кро-

*) Нѣкоторыя считали Худеяра сыномъ в. кн. Василія Ивановича и Соломоніи, однако рукопись П. В. Хлѣбникова называетъ его бояриномъ Шестуновымъ, зятемъ Григорія Казангія, а рукопись Е. В. Трехлѣтова считаетъ его за Семена Васильевича Буйноса, ушедшаго сначала въ Москву, а потомъ въ Малороссію, гдѣ онъ и былъ правою рукою кн. Вишневецкаго. Слѣдующая семейная драма заставила его принять магометанство, подъ именемъ Худеяра. Царь Иванъ Грозный велѣлъ убить любимую супругу Шестунова дочь Григорія

вавыхъ подвиговъ и мщенія моему брату, царю Ивану; встрѣтя его въ Москвѣ, я остановилъ его отъ совершенія дальнѣйшихъ неистовствъ, вкратцѣ разсказалъ свою жизнь и упрекнулъ его въ томъ, что онъ измѣнилъ своей вѣрѣ, принявъ магометанство. Мой разсказъ и увѣщаніе такъ подѣйствовали на него, что онъ тутъ же упалъ и умеръ. Потомъ пошелъ я по слѣдамъ бѣжавшаго отъ Худеяра моего царя-брата въ Ростовъ, но въ Ростовѣ уже не засталъ его, потому что онъ отправился

Казангія, за то, что она имѣла неосторожность сказать своей подругѣ, что ея мать видѣла и свидѣтельствовала беременную великую княгиню Соломонію. Убивъ жену Шестунова, жестокій царь заставилъ его вмѣстѣ съ собою пировать въ виду безжизненнаго трупа его любимой жены. Сдѣлавшись магометаниномъ, Худеяръ жестоко мстилъ царю за смерть жены: онъ съ полчищами крымскаго хана Девлетъ-Гирея пошелъ на Русь и гдѣ проходилъ, тамъ оставлялъ послѣ себя одинъ пепелъ; кровь русскихъ лилась рѣкою. Наконецъ онъ дошелъ до Москвы и сжегъ ее; во время пожара онъ встрѣтилъ случайно Юрку, происхожденіе котораго зналъ, и эта встрѣча такъ на него подѣйствовала, что онъ упалъ и тутъ же померъ. *Прим. Артынова.*

дальше, въ Ярославль; туда я уже не пошелъ, а остался здѣсь и недалеко отъ этой обители, въ дремучемъ лѣсу, поставилъ хижину *), а черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого переселился сюда, подъ именемъ Игнатія Зюзина, постригся здѣсь въ монашество, принявъ имя Іоанна, и наконецъ посхимился. Теперь Юрій не страшенъ царю Іоанну: мертвый Юрій не будетъ уже у него оспаривать царства; тебѣ же скажу, какъ брату, что я могъ бы, пользуясь случаемъ, получить царство, но не хотѣлъ...

Съ этими словами схимникъ Іоаннъ скончался.

На плачъ кн. Луговскаго по умершемъ братѣ собрались иноки и, узнавъ объ отношеніяхъ

---

*) На этомъ мѣстѣ, находящемся теперь въ предѣлахъ Ярославскаго уѣзда, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бѣлогостицкаго монастыря, кн. Юрій, подъ именемъ пустынника Акакія, основалъ пустынь Акакіеву; по уничтоженіи монастыря, всѣ замѣчательныя иконы, напр. Грузинской, Смоленской Богородицы и др., были перенесены въ Бѣлогостицкій, гдѣ хранятся и донынѣ. Мѣсто же, на которомъ основана Акакіева пустынь, принадлежало кн. Александру Константиновичу, затѣмъ его брату Ивану Константиновичу и наконецъ его внуку кн. Дмитрію Андреевичу. *Прим. Артынова.*

князя Юды къ умершему схимнику, сильно удивлялись случившемуся. Однако настоящее происхожденіе схимника и тутъ никто не узналъ; узнали это впослѣдствіи отъ думнаго дьяка Томилы Луговскаго, сына кн. Юды.

VII. Иванъ Томиловичъ.

XVII вѣкъ.

Боярин и думный дьякъ Томила Луговской *), сынъ кн. Юды, имѣлъ двухъ сыновей: Ивана и Алексѣя. Иванъ былъ любимцемъ своей матери Маріи, урожденной княжны Лобановой. Слушая въ дѣтствѣ сказки о богатыряхъ отъ своего дядьки Васьки Вихря-Альтина **). Иванъ съ самой ранней юности обнаружилъ большую наклонность къ военнымъ дѣламъ. Этими сказками до того набили голову Ивану, что онъ спалъ и видѣлъ богатырей и ихъ битвы и, будучи ребенкомъ, часто бѣгалъ въ кухню, гдѣ, схвативъ первый попавшійся подъ руку ухватъ, грозно потрясалъ имъ, приводя въ восторгъ дворню отца, говорившую ему:

---

*) О Томилѣ Юдичѣ см. „Дѣянія Петра I“ Голикова, т. XII, стр. 393 и 554, а также Карамзина т. XII, примѣч. 616, 677, 767.

**) Васька Вихорь-Альтинъ былъ предокъ автора „Воспоминаній“, крестьянина с. Угодичъ Алекс. Яков. Артынова-Альтина.

— Вотъ такъ богатырь! такому богатырю не слѣдъ дома сидѣть, а слѣдъ во чисто поле идти, людей посмотрѣть и себя показать.

Бояринъ Томила жилъ въ это время уже не въ Луговомъ дворищѣ *), а въ пріозерномъ селѣ Угодичахъ **), гдѣ еще существовали остатки «двора вотчинниковъ», т. е. прежнихъ палатъ князей ростовскихъ ***).

Однажды молодой Томилинъ сталъ просить у отца благословенія съѣздить во чисто поле погулять, людей посмотрѣть, себя показать и

---

*) Нынѣ на мѣстѣ Лугова дворища находится пустошь, принадлежащая с. Угодичамъ.

Прим. Артынова.

**) Вотъ, что сказано объ этомъ селѣ въ грамотѣ Царя Василія Ивановича Шуйскаго: „въ лѣто 7114 (1606) Августа 18 дня за московское осадное сидѣнье у Ростовскаго озера, на рѣчкѣ на Воробылкѣ, село Угодичи съ деревнями и со всѣми угоды и рыбными ловли владѣть безоброчно боярину Томилѣ Луговскому, сыну Юдину.“ (Акты с. Угодичъ).

***) Объ этихъ вотчинныхъ дворахъ вотъ что говорится въ актахъ с. Угодичъ: „да въ селѣ жъ Угодичахъ дворъ вотчинниковъ, дворъ конюшенной, дворы дѣловыхъ людей, дворъ скотной, а въ немъ живутъ скотники за четырми вороты. А

силу свою помѣрять. На такое желаніе отецъ его не огнѣвался, а только посмѣялся и посовѣтовалъ подождать немного и съѣздить съ нимъ въ царство Московское, такъ какъ дома нѣтъ для него ни сбруи ратной, ни меча кла-

---

разгороженъ на четверо для того, что скотину большую и малую всякую пригоняютъ порознь". И далѣе: „лицевая сторона хоромъ обращена на западъ къ городу—длиною 12, а шириною 7, вышиною 2 сажени съ половиною: по лицевой сторонѣ хоромъ девять, а по южной пять оконъ съ подходами и разсвѣтами, съ желѣзными рѣшетками и такими же закраями, съ верхними и нижними сводами, съ муравленными печами на кирпичныхъ вычурныхъ столбахъ стоящія; въ окнахъ деревянныя рамы со слюдами; хоромы были покрыты по скалѣ ластинью (дранью); съ восточной стороны красное крыльце съ вычурными деревянными столбиками; покрыто тоже по скалѣ ластинью; на востокъ отъ хоромъ холопскія избы и всякія хозяйственныя службы покрыты тоже по скалѣ ластинью; на югѣ между хоромами и холопскимъ жильемъ деревянныя рѣшетчатыя ворота съ большимъ навѣсомъ, крытыя по скалѣ ластинью; съ сѣверной стороны боярскаго двора прудъ, усаженный ивами, а за нимъ господскаго двора грядки.

Прим. Артынова.

денца, ни копья долгомѣрнаго, ни коня богатырскаго, а въ Московскомъ царствѣ, добавилъ отецъ, богатырями хоть прудъ пруди, и есть тамъ конь богатырскій, который стоитъ въ конюшнѣ бѣлокаменной ровно тридцать лѣтъ и три мѣсяца, а прикованъ онъ на двѣнадцати желѣзныхъ цѣпяхъ и запертъ замками булатными.

Молодой Томилинъ слушалъ это, какъ говорится, разиня ротъ, и отъ радости земли не чуялъ подъ собой и съ нетерпѣніемъ ждалъ времени, когда отецъ поѣдетъ въ Московское царство.

Насталъ наконецъ и давно желанный день тотъѣзда: поѣхали отецъ съ сыномъ въ царство Московское, одинъ на службу царскую, а другой по сбрую ратную и коня богатырскаго, чтобъ получивъ ихъ стать, какъ Илья Муромецъ, могучимъ русскимъ богатыремъ. Среди бѣлаго дня пріѣхали они въ столицу царства Московскаго: тутъ молодой Луговской въ первый разъ увидѣлъ дива дивныя, чуда чудныя: стѣны царства Московскаго были выше дерева стоячаго, а башни верхами задѣвали за облака ходячія; онѣ были точь въ точь такія, черезъ какія перепрыгивали на могучихъ коняхъ богатыри сильные. Хотѣлось ему посмотрѣть натянутыя на стѣнѣ и струны-самогуды, черезъ

которыя перепрыгивали богатыри, задѣвая за нихъ копытами коней своихъ. отъ чего происходилъ громъ по всему городу; но не видалъ онъ этихъ струнъ, а потомъ вскорѣ и забылъ про нихъ, когда увидѣлъ Ивана Великаго, по которому, казалось ему, можно взойти на небо. Наконецъ онъ увидѣлъ и чудныя палаты царя московскаго, которыя, какъ бывало ему разсказывалъ его дядька Васька-Вихорь, строилъ для царя Мосоха Афетовича самъ премудрый царь Соломонъ Давыдовичъ.

На первыхъ порахъ все это занимало молодаго Луговскаго; только одно ему показалось не такъ, какъ въ настоящихъ царствахъ, про которыя онъ слыхалъ въ сказкахъ: тамъ за стѣною поля да заповѣдные луга, а здѣсь города да пригородки, но и этому онъ скоро смекнулъ причину: видно-де здѣсь богатырями хоть прудъ пруди; отъ того-то на царство Московское никакой царь и не поднимается, а въ пригородкахъ-де жизнь привольнѣе. Только одного онъ понять не могъ: во всѣхъ сказочныхъ царствахъ были одни городскія ворота, чрезъ которыя выходила рать-сила великая, и тѣ ворота были всегда на запорѣ, а здѣсь воротъ было столько, что и не пересчитаешь, да и тѣ всѣ не заперты.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ царство Московское. Томила задалъ сыну такой вопросъ:

— Какъ же ты хочешь быть богатыремъ, а не знаешь грамоты: богатырю надо быть грамотнымъ: вдругъ придется въ чистомъ полѣ наѣхать на распутье трехъ дорогъ; тутъ надо надпись прочесть: которая дорога куда ведетъ и по которой изъ нихъ путь держать; а то придется надпись прочитать на дверяхъ волшебнаго терема, безъ чего и въ теремъ нельзя попасть; бываютъ такія же надписи надъ ключами съ живой и мертвой водой; и ихъ надо умѣть читать, чтобъ знать, какой изъ нихъ почерпнуть нужно.

Слушая слова отца, молодой Луговской смекнулъ, что онъ говоритъ дѣльно, и тутъ же сталъ просить отца, чтобъ тотъ отдалъ его въ ученье. Этого только и добивался отецъ. Не одинъ годъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ молодой Луговской началъ обучаться въ Москвѣ грамотѣ; она ему скоро далась, но за то скоро и заставила его забыть несбыточныя мечты сдѣлаться богатыремъ русскимъ. Вдругъ пріѣхалъ къ нимъ изъ Ростова его дядька Васька Вихорь, съ извѣстіемъ, что въ Ростовѣ и въ Угодичахъ литва, подъ предводительствомъ Микульскаго и Лисовскаго, разграбила боярскіе дома, а въ деревнѣ Прясло-

вѣ (по нынѣшнему Трисловѣ) убили церковнаго цѣловальника Русинку Григорьева *).

Такое извѣстіе сильно опечалило Томилу Луговскаго. Самому ему ѣхать въ Ростовъ было невозможно, такъ какъ на его рукахъ скопилось много дѣлъ, да притомъ и сынъ его вскорѣ долженъ былъ покончить ученье, и онъ, съ разрѣшенія властей московскихъ, послалъ въ Ярославль воеводѣ князю Ивану Ивановичу Волынскому граммату, съ приказаніемъ охранять Ростовъ и его окрестности отъ бродячихъ шаекъ поляковъ. Старикъ Васька Вихорь былъ оставленъ въ Москвѣ въ качествѣ ординарца и тѣлохранителя молодаго Луговскаго. Вихря не столько удивила Москва бѣлокаменная съ ея золотыми маковками, сколько перемѣна въ молодомъ бояринѣ: онъ сначала никакъ не вѣрилъ, что изъ него, вмѣсто сказочнаго богатыря, вышелъ молодецъ, что называется кровь съ молокомъ, и что онъ теперь не только не слушалъ его прежнихъ сказокъ, а смѣялся надъ ними и самъ уже разсказывалъ Вихрю, но только не сказки, а быль о заморскихъ диковинкахъ. Однимъ словомъ, Москва его выучила, выхолила и выбила у него изъ головы всю дурь

(*) Это случилось 1 сент. 1605 г.

деревенскую; не выбила только охоту къ дѣлу ратному. Теперь уже онъ не сталъ проситься у отца въ чистое поле погулять, а просился въ военную службу царскую и непремѣнно подъ начальство кн. Михаила Васильевича Скопина Шуйскаго. Боярин Томила не могъ уже отказать сыну въ его просьбѣ и исполнилъ его желаніе.

Кн. Скопинъ Шуйскій въ это время собирался въ походъ въ южныя области Московскаго царства для усмиренія блуждавшихъ тамъ отрядовъ литвы и крымскихъ татаръ. Во время этого похода молодой Луговской подружился съ ростовскимъ княземъ Иваномъ Юрьевичемъ Темкинымъ. Однажды ихъ дружина пришла на дневку въ небольшое селеніе, принадлежавшее старинным князьямъ-однодворцамъ. Темкину была отведена квартира у небогатаго князя Романа, потомка князей Одоевскихъ, происходившихъ отъ рода кн. Василья Швиха. Кн. Романъ въ это время выдавалъ замужъ внучку своей жены Ульяну, дочь кн. Якова Ивановича Лобанова.

Отъ нечего дѣлать кн. Темкинъ пришелъ къ Луговскому и сталъ ему разсказывать о свадьбѣ и невѣстѣ, которая, по его словамъ, была дивная красавица. Луговскому захотѣлось посмотрѣть ее, и оба товарища отправи-

лись на свадебный дворъ. Невѣста приглянулась Луговскому, а отъ зрителей онъ узналъ, что ее выдаютъ не по доброй волѣ, а изъ разсчета, за богатаго однодворца Ивана Хабарова.

Со свадебнаго двора оба товарища отправились къ Луговскому, который, придя домой, сказалъ Темкину, что онъ хочетъ жениться на княжнѣ Лобановой, и просилъ Темкина быть сватомъ. Сначала Темкинъ принялъ его слова за шутку, но потомъ, видя, что Луговской вовсе не шутитъ, сталъ уговаривать его выкинуть все это изъ головы: «во время похода какая де свадьба!» Но Луговской остался при своемъ и просилъ Темкина купить ему невѣсту у Хабарова, а всѣ свадебные расходы онъ принималъ на себя.

Темкинъ дѣйствительно уладилъ это дѣло: Хабаровъ отъ невѣсты отказался, а Швихъ былъ радъ, что издержки минуютъ его кармана: болѣе же всѣхъ была рада невѣста, когда узнала, что, вмѣсто старика и скряги Хабарова, она будетъ женой молодаго и красиваго московскаго боярина.

Вскорѣ послѣ этого совершился и бракъ. По окончаніи свадебныхъ пиршествъ, Луговской съ молодой женой отправился вслѣдъ за дружиной и скоро нагналъ ее; на мѣстѣ первой

же дневки онъ устроилъ для своихъ ратныхъ товарищей роскошный пиръ, на которомъ всѣ восхваляли красоту новобрачной. Одинъ же изъ бывшихъ тутъ гостей, нѣкто москвичъ, по зависти ли или по иной причинѣ, замѣтилъ Луговскому, что жена его, хотя и красавица, но совершенная деревенщина, которую ему нельзя будетъ и показать московскимъ боярамъ: «пожалуй, осмѣютъ ее, да и гостей она не съумѣетъ принять, какъ слѣдуетъ».

Эти слова глубоко запали въ душу Луговскому и совершенно вскружили ему голову; съ этихъ поръ онъ сталъ стыдиться неловкихъ выходокъ Ульяны, которыя могли быть терпимы развѣ только въ кругу князей однодворцевъ, но никакъ не между москвичами. Пылъ страсти къ молодой женѣ у Луговскаго сталъ остывать, и онъ сдѣлался холоднѣй съ ней въ обращеніи; она же въ простотѣ сердечной ничего этого не замѣчала и весело продолжала свой путь. Луговской рѣшился покинуть ее. Подъ тѣмъ предлогомъ, что ей нельзя далѣе слѣдовать за дружиной, онъ оставилъ ее въ небольшомъ городкѣ, снабдивъ всѣмъ необходимымъ, даже дорожной повозкой, и обѣщалъ къ ней скоро возвратиться.

Время шло, а Луговской не только не возвращался, но объ немъ женѣ не было ни слуху.

ни духу. Оставленные ей мужемъ деньги и запасы истощились, а нужда тяготила ее; тогда она, по совѣту добрыхъ людей, не стала болѣе ждать мужа и возвратилась обратно къ Роману Швиху, у котораго и думала дождаться мужа. Но надежды ея и тутъ не сбылись: въ семействѣ Швиха недостатки и безъ нея были очень ощутительны, да и самъ Швихъ поглядывалъ на нее косо, сознавая, что она теперь не то вдова, не то мужняя жена. Къ счастію Ульяны, мѣстный священникъ, видя ея безвыходное положеніе, посовѣтовалъ ей прямо обратиться къ боярину Луговскому, отцу Иванову, въ Москву; для этого онъ снабдилъ ее всѣми необходимыми документами и совѣтами.

Ульяна отправилась и черезъ нѣсколько времени прибыла въ Москву; отыскавъ домъ Луговскаго, она остановилась у входа въ своемъ дорожномъ нарядѣ: въ кафтанѣ, лаптяхъ, съ котомкою за плечами и съ палкой въ рукахъ. Не смотря на ея неприглядный нарядъ, не смотря на загаръ и толстый слой пыли, красота ея заставляла многихъ москвичей останавливаться для того, чтобъ взглянуть на нее. Но Ульяна не обращала на нихъ вниманія, а только убѣдительно просила барскаго холопа доложить объ ней боярину; наконецъ она была введена къ Луговскому.

Въ это время Луговской сидѣлъ съ женой и читалъ ей полученныя отъ сына письма, въ которыхъ тотъ извѣщалъ его о блистательныхъ побѣдахъ, одержанныхъ надъ крымскими татарами близъ г. Путивля. Вошедшая просительница невольно обратила на себя вниманіе Луговскихъ, въ которыхъ она и узнала родителей своего мужа. На вопросъ Луговскаго, какую она имѣетъ до него нужду, Ульяна упала передъ нимъ на колѣни и, подавая ему свои бумаги, едва могла выговорить, что она законная жена его сына Ивана. Какъ громомъ поражены были этими словами старики Луговскіе, въ особенности же бояринъ Томила, когда онъ прочиталъ ея «вѣнечную память». Наконецъ онъ пришелъ въ себя и, обратясь къ женѣ, сказалъ:

— Что намъ дѣлать съ этой несчастной женщиной, обманутой нашимъ сыномъ?

Въ это время Ульяна падаетъ передъ Луговской на колѣни и со слезами умоляетъ ее, хотя бы въ качествѣ рабы, оставить ее въ ихъ домѣ и не выгонять ее. Луговская поднимаетъ ее и успокоиваетъ, говоря:

— Тебѣ надобно быть не рабой, а нашей дочерью.

И, посадивъ ее рядомъ съ собою, она велѣла ей подробно разсказать о томъ, какъ она сдѣ-

лалась женою ихъ сына. Ульяна все разсказала, какъ было. Выслушавъ разсказъ, Луговскіе порѣшили все происшедшее хранить пока въ тайнѣ. а ее, оставивъ у себя, выдавать за сироту. дальнюю свою родственницу.

Послѣ этого Луговская приказала одѣть Ульяну въ приличное молодой боярышнѣ платье и подъ видомъ своей родственницы, пришедшей издалека, помѣстила ее рядомъ съ своей почивальней и приставила къ ней особую прислугу, а сама стала обучать ее московскимъ боярскимъ обычаямъ. Ульяна всей душой привязалась къ Луговской и старалась всячески услужить ей, такъ что стала ихъ настоящею дочерью, и безъ нея Луговская ничего не дѣлала и никуда не выѣзжала,, а вездѣ брала ее съ собой.

Такая быстрая перемѣна сдѣлала Ульяну настоящей княгиней и первой красавицей Москвы.

Однажды Томила Луговской получилъ извѣстіе, что дружина Скопина-Шуйскаго скоро возвратится въ Москву; извѣстіе это онъ сообщилъ и Ульянѣ. Послѣ этого Луговскіе стали обдумывать, какъ бы имъ лучше устроить свиданіе молодыхъ супруговъ; наконецъ дѣло было обсужено, и они до поры, до времени помѣстили Ульяну въ особую свѣтлицу.

находившуюся въ боярскомъ саду. Насталъ наконецъ и день вступленія въ Москву войскъ Скопина-Шуйскаго, а вмѣстѣ съ ними возвратился украшенный знаками отличія и Иванъ Томилинъ. Послѣ долгой разлуки родители приняли его съ распростертыми объятіями; потомъ начались разсказы о прошедшей войнѣ. Молодой Луговской съ удивительною точностію передалъ о битвахъ, о замѣчательныхъ подвигахъ, даже разсказалъ о дѣвкахъ, а о женитьбѣ ни полслова. Въ такихъ разговорахъ незамѣтно прошли два дня. При первомъ же свиданіи Ивана съ своими московскими товарищами, онъ былъ закиданъ вопросами и разсказами о его красавицѣ родственницѣ, съ которой его мать всегда и вездѣ выѣзжаетъ. Удивленіе Ивана не имѣло границъ: два дня онъ прожилъ дома и не только не видалъ этой красавицы, но даже и не слыхалъ о ней ни отъ кого ни слова; за это молодой Томилинъ очень досадовалъ на всѣхъ, начиная съ родителей и кончая послѣднимъ холопомъ: ему было очень непріятно, что такимъ молчаніемъ его слишкомъ одурачили передъ товарищами.

Въ дурномъ расположеніи духа возвратился домой молодой Томилинъ и разспросилъ объ этомъ прислугу. Тѣ отвѣчали, что это правда

и что молодая боярышня со всѣми съ ними такова, что не забываетъ ихъ подарками, и что она теперь управляетъ всѣмъ домомъ; при этомъ они сказали ему, что она живетъ теперь въ садовой свѣтлицѣ.

Узнавъ такія подробности, молодой Луговской уже заочно въ нее влюбился и забылъ про свою жену. Скрывъ свою досаду, онъ пришелъ къ родителямъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и по прежнему началъ разсказывать о своихъ ратныхъ подвигахъ.

Время приближалось къ обѣду. Пока не подали обѣда, старикъ Луговской пригласилъ сына пройтись по саду, который безъ него такъ разросся, что его и узнать было трудно. Молодой Луговской охотно на это согласился, съ цѣлію непремѣнно посѣтить затворницу въ ея свѣтлицѣ. Долго гуляли они по саду. Обратный путь ихъ лежалъ какъ разъ мимо свѣтлицы. Окна были отворены. Вдругъ молодаго Луговскаго поражаетъ игра на арфѣ, которой вторилъ чудный голосъ пѣвицы; онъ невольно остановился и спросилъ отца:

— Кто это такъ дивно поетъ и играетъ?

Тотъ отвѣчалъ, что это бѣдная сиротка, дальняя родственница его матери. Сынъ сталъ было просить отца зайти къ ней, но отецъ отложилъ это, говоря, что ихъ посѣщеніе ли-

шить ее любимаго занятія: игры и пѣнія, а что онъ увидитъ ее за обѣдомъ.

Наконецъ подали обѣдъ. Молодой Луговской спѣшитъ въ столовую, чтобъ скорѣе увидѣть красавицу, но она еще не приходила. Всѣ сѣли за столъ, но въ ожиданіи прихода родственницы не начинали еще обѣда, а вели разговоръ о дѣлахъ ратныхъ. Вдругъ онъ слышитъ тяжелые шаги деревенской поступи и стукъ палки; наконецъ дверь растворилась, и къ нимъ вошла деревенская баба, одѣтая въ кафтанъ, лапти, съ сумой за плечами и палкой въ рукахъ. При входѣ крестьянки, лице Ивана Луговскаго покрылось смертельной блѣдностью, и онъ сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ, узнавъ въ вошедшей брошенную имъ жену. Наконецъ онъ пришелъ въ себя и палъ передъ отцемъ на колѣни, моля его о прощеніи за такой поступокъ. Но тотъ строго и сурово отвѣчалъ ему, что онъ не можетъ быть ему судьей, а пусть судитъ его княжна Лобанова и, указавъ при этомъ на Ульяну, продолжалъ:

— Въ такомъ видѣ она, брошенная тобой, пришла къ намъ, а что она перечувствовала въ это время, ты можешь самъ судить и самъ можешь быть судьей своему поступку.

Послѣ этого молодой Луговской съ такою же просьбой обращается и къ матери, но та

даже не удостоила его и отвѣтомъ, а только указала рукой на Ульяну и, глядя на нее, горько заплакала.

Луговской, видя отвращеніе къ себѣ родителей, сталъ умолять о прощеніи свою жену, а та, ставъ на колѣни предъ родителями, просила ихъ простить сына.

Скоро миръ былъ заключенъ. Платье крестьянки замѣнилось дорогою ферязью и драгоцѣннымъ кокошникомъ, и молодые супруги, какъ новобрачные, сѣли за роскошный обѣдъ; радость была написана на лицахъ всѣхъ.

Недолго однако Томила наслаждался семейнымъ счастіемъ: вскорѣ онъ долженъ былъ идти при посольствѣ въ Литву, а сынъ его Иванъ, оставя беременную жену, пошелъ съ московскими дружинами подъ начальствомъ кн. Никиты Ивановича Одоевскаго преслѣдовать атамана донскихъ казаковъ Ивана Мартынова Заруцкаго и сына Марины Мнишекъ Ивана на берега р. Яика. Тамъ Луговской пустился преслѣдовать Заруцкаго, укрывшагося на одномъ изъ рѣчныхъ острововъ, и, при единоборствѣ съ нимъ, палъ отъ руки атамана. Неразлучный спутникъ его дядька Васька Вихорь-Альтинъ, видя гибель своего питомца, разсвирѣпѣлъ какъ левъ, напалъ на Заруцкаго, обезоружилъ его и, взявъ въ плѣнъ вмѣ-

стѣ съ сыномъ самозванца, привелъ ихъ къ кн. Одоевскому *).

Ирина Михайловна.

XVII вѣкъ.

Бояринъ Михайло Кузьмичъ Луговской, по прозванью Пешецы, велъ свой родъ отъ кн. Андрея Львовича Луговки**). Онъ былъ однимъ изъ знатнѣйшихъ бояръ Москвы, гдѣ и имѣлъ родовой домъ «въ Овчинникахъ», а другой домъ въ Ростовѣ «на Пучинкѣ» ***). При

---

*) За этотъ подвигъ Вихорь получилъ прозвище „Мартыновъ", а его потомокъ Дмитрій Ивановичъ Альтинъ смѣнилъ это прозвище на „Артыновъ".

**) У кн. Андрея былъ сынъ Михайло, имѣвшій между прочими сына Дмитрія; у кн. Дмитрія былъ сынъ Семенъ, у котораго младшій сынъ былъ Кузьма; у этого послѣдняго былъ сынъ Данила Щуръ, имѣвшій сына Филиппа Кривошейку; у кн. Филиппа былъ сынъ Кузьма Плотникъ, имѣвшій сына Михайло, у котораго и родилась дочь Ирина.

Прим. Артынова.

***) Урочище Пучинка было на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ храмъ св. Исидора блаженнаго. Названіе свое оно получило потому, что въ старину тутъ была водяная пучина, грозившая будто бы

всей своей знатности и богатствѣ, онъ не имѣлъ сыновей, а одну только дочь Ирину, которую и воспитывалъ въ Москвѣ, и на ея образованіе не щадилъ ни какихъ средствъ. По своимъ служебнымъ обязанностямъ, онъ имѣлъ частыя сношенія съ находившимися при царскомъ дворѣ иностранцами, вслѣдствіе чего и дочь его Ирина имѣла болѣе иностранное воспитаніе, чѣмъ старинное боярское, притомъ же она имѣла много подругъ иностранокъ. При такомъ образованіи, Ирина обладала и замѣчательной красотой, такъ что «овчинниковская красавица», какъ её тогда прозывали, гремѣла по всей Москвѣ бѣлокаменной.

Бояринъ Михайло не рѣдко ѣздилъ и въ Ростовъ, куда постоянно бралъ и дочь свою Ирину; здѣсь онъ велъ большую дружбу со своимъ дальнимъ родственникомъ и однофамильцемъ Алексѣемъ Ивановичемъ Луговскимъ, ведшимъ свой родъ отъ того же кн. Андрея Львовича Луговки *) и имѣвшимъ домъ въ

потопить весь городъ, но ее покрыли царскими вратами, послѣ чего она уже не могла грозить городу наводненіемъ. *Прим. Артынова.*

*) У кн. Андрея второй сынъ былъ Семенъ и имѣлъ сына Сергѣя, а у этого былъ сынъ Юди-

Ростовѣ, въ Стефановской сотнѣ *), но болѣе проживавшимъ въ своей вотчинѣ подгородномъ селѣ Угодичахъ **). У него былъ одинъ только сынъ Илья. Старики Луговскіе и порѣшили соединить бракомъ своихъ дѣтей, не смотря даже на различіе ихъ характеровъ. Илья, воспитываясь у отца въ домѣ, имѣлъ характеръ тихій и скромный, между тѣмъ какъ Ирина обладала нравомъ пылкимъ, живымъ и была въ полномъ смыслѣ героиня прошлыхъ вѣковъ, — лихая наѣздница и страстная охотница.

Заяцъ, у котораго родился сынъ Томила; у Томилы былъ сынъ Иванъ, отъ котораго и родился боярин Алексѣй Ивановичъ.

*) Объ этомъ домѣ въ „Подворномъ спискѣ г: Ростова“ начала XVII в. говорится слѣдующее: „въ Стефановской сотнѣ домъ боярина Томилы Луговскаго въ длину двадцать двѣ, поперегъ шестнадцать саженъ; нынѣ мѣста эти пашутъ пустошью попъ Василій Мамзеревъ да Савка Калашниковъ“. (Библ. Хлѣбникова). А дозорныя книги того же столѣтія библіотеки А. А. Титова говорятъ, что на этомъ мѣстѣ была „слободка боярина Алексѣя Ивановича Луговскаго“. Въ половинѣ XIX в. послѣдній ростовскій уѣздный судья Филиппъ Алексѣевичъ Карръ построилъ здѣсь торговыя бани.

**) Объ этомъ селѣ смотри выше въ примѣчаніи

Понятно, что ей вовсе не нравился ея суженый. Не смотря на это, въ одинъ изъ пріѣздовъ въ Ростовъ бояринъ Михайло остановился въ домѣ боярина Алексѣя, желая такимъ образомъ сблизить молодыхъ людей.

Во время проживанія въ Угодичахъ, боярышня Ирина часто отдавалась своему любимому занятію охотѣ; молодой Луговской былъ ея неразлучнымъ спутникомъ, и они не разъ во время охоты заѣзжали для отдыха въ родовую вотчину Луговскихъ въ деревню «Глухово, что на прудѣ». Однако частыя охоты мало сблизили ихъ, и Ирина смотрѣла на Илью вовсе не какъ на жениха, а какъ на своего стременнаго. Старики Луговскіе, хотя это и хорошо понимали, но порѣшили на томъ, что бракъ уровняетъ ихъ нравы, и потому боярину Михайло мало обращалъ вниманія на возраженія и слезы дочери, а хотѣлъ поставить на своемъ.

Вскорѣ Михаилъ Луговской, по своимъ служебнымъ дѣламъ, а главное, для закупки приданаго, поѣхалъ съ дочерью Ириною въ Москву съ тѣмъ, чтобы, покончивъ тамъ дѣла, немедленно возвратиться въ Ростовъ и устроить бракъ.

Наканунѣ своего храмоваго приходскаго праздника Покрова Пресв. Богородицы они пріѣхали

въ Москву и въ самый день праздника, при выходѣ изъ церкви, встрѣтились съ молодымъ бояриномъ, въ которомъ все обличало настоящаго героя, притомъ такого, о какомъ только и мечтала Ирина.

Послѣ этой встрѣчи молодые люди стали видаться еженедѣльно по воскресеньямъ въ церкви, а вскорѣ Ирина стала о немъ думать и не на шутку; къ тому же молодой москвичъ сильно приглянулся и ея нянѣ Прохоровнѣ; и вотъ пошли у нихъ о немъ разговоры, которые и кончились тѣмъ, что молодой бояринъ очутился однажды въ свѣтлицѣ у красавицы Ирины, а черезъ нѣсколько времени увезъ ее вмѣстѣ съ няней изъ Москвы на берега Мологи въ свою вотчину «Иломну», и тамъ онъ, бояринъ Алексѣй Богдановичъ Мусинъ-Пушкинъ, вступилъ въ бракъ съ Ириной Михайловной Луговской и зажилъ съ нею, вполнѣ довольный своей судьбой.

Бояринъ Михаилъ былъ страшно пораженъ исчезновеніемъ дочери и прилагалъ всѣ заботы къ ея отысканію, но все было напрасно.

Мирно и счастливо жила молодая чета въ своей глуши лѣсной, вдали отъ столичнаго шума, какъ вдругъ пронеслась молва, что царь Алексѣй Михайловичъ идетъ съ войскомъ къ Смоленску наказать кичливую литву и измѣнниковъ татаръ, грабившихъ русскіе города.

Закипѣла молодецкая кровь въ жилахъ Алексѣя противъ крамольниковъ литовцевъ, оклеветавшихъ передъ царемъ его отца Богдана Ивановича, будто бы онъ былъ единомышленникомъ вологжанина подъячаго Тимошки, выдававшаго себя за сына царя Василія Ивановича Шуйскаго и именовавшагося княземъ Иваномъ Васильевичемъ, вслѣдствіе чего на Богдана была наложена сильная опала, которой онъ не перенесъ и померъ; Алексѣй тогда былъ еще малюткой.

Послѣ такой вѣсти Алексѣй Мусинъ-Пушкинъ началъ собираться въ походъ; отъ него не отстала и его жена Ирина: одѣвшись въ ратные доспѣхи и подъ именемъ Ивана, меньшаго брата Алексѣя, она отправилась съ нимъ. И такъ два брата Алексѣй и Иванъ поѣхали въ Москву, но, прибывъ туда, уже не застали царя, который успѣлъ уйти къ Смоленску, а въ его свитѣ ушелъ и бояринъ Михаилъ Луговской.

Мусины-Пушкины двинулись въ Смоленскъ.

Подъ стѣнами Смоленска они подружились съ козацкимъ воеводой, присланнымъ туда съ козаками отъ гетмана Богдана Хмельницкаго, и разбили на-голову главный отрядъ литвы.

Такіе подвиги братьевъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ скоро стали извѣстны царю, и онъ по-

желалъ самъ видѣть ихъ. Узнавъ, что они дѣти боярина Богдана, царь очень сожалѣлъ объ ихъ безвинно пострадавшемъ отцѣ и щедро наградилъ ихъ дарами и знаками отличій. При этомъ находился и Михаилъ Луговской; онъ вдругъ видитъ, что одинъ изъ братьевъ героевъ подходитъ къ нему и, падая передъ нимъ на колѣни, говоритъ:

— Родитель! прости непокорную дочь твою Ирину и Алексѣя, моего супруга.

По взятіи Смоленска, осыпанные царскими милостями Мусины-Пушкины, вмѣстѣ съ Михаиломъ Луговскимъ, отправились въ Москву, гдѣ и узнали, что Илья Луговской женился на внучкѣ князя Дмитрія Юрьевича Темкина, дочери кн. Михаила Михаиловича Темкина-Ростовскаго. Родовая дружба стариковъ Луговскихъ Михаила и Алексѣя возобновилась по прежнему, а вмѣстѣ съ тѣмъ зажили въ мирѣ и согласіи и обѣ молодыя четы, часто навѣщая другъ друга, потому что супругъ Ирины стольникъ Алексѣй Богдановичъ болѣе жилъ въ вотчинѣ жены, недалеко отъ мѣста впаденія Гремучаго ручья въ рѣку Копронку *). Онъ обладалъ обширнымъ умомъ и любилъ

*) На этомъ мѣстѣ стоитъ теперь дер. Запрепье. *Прим. Арт.*

заниматься отечественной исторіей, въ чемъ помогала ему и супруга. Трудъ его состоялъ въ собираніи свѣдѣній о происхожденіи славяно-рускаго народа. Преждевременная смерть прекратила его полезную дѣятельность на поприщѣ собиранія историческихъ данныхъ. Имъ была написана книга: О великихъ князьяхъ русскихъ, отколѣ произыде корень ихъ *).

Оставшись вдовою съ малолѣтнимъ сыномъ Иваномъ **). стольница Ирина Михайловна не прекращала своихъ литературныхъ занятій и вела переписку съ проживавшими въ Россіи иностранными учеными и описывала въ не очень лестныхъ краскахъ нѣкоторые княжескіе и боярскіе роды, вслѣдствіе чего и подверглась подозрѣнію въ государственной измѣнѣ. Для изслѣдованія этого дѣла былъ посланъ въ Ростовъ и Угодичи ближній царскій

---

*) Эта рукопись сохранилась въ архивѣ села Угодичъ и въ 1842 г, была подъ руками Ал. Яков-Артынова. *Прим. Арт.*

**) Впослѣдствіи сенаторъ и графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, современникъ Петра I и помѣщикъ села Угодичъ, гдѣ онъ и жилъ. *Прим. Арт.*

бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ *); но хотя онъ и ничего не могъ открыть, исключая ея переписки съ иностранными учеными, однако за нелестные ея отзывы о княжескихъ и боярскихъ фамиліяхъ ей не только былъ запрещенъ въѣздъ въ Москву, но и переписка съ иностранцами....

Родословная

ЯРОСЛАВСКИХЪ КНЯЗЕЙ ЛУГОВСКИХЪ.

Рюрикъ, первый князь русскій

|

Игорь Рюриковичъ.

|

Святославъ Игоревичъ.

|

Владиміръ Святославичъ, св.

|

Ярославъ Владиміровичъ.

|

Всеволодъ Ярославичъ.

|

Владиміръ Всеволодовичъ *Мономахъ*.

|

Мстиславъ Владиміровичъ.

|

---

*) Онъ былъ въ Угодичахъ лѣтомъ 1685 года.

Ростиславъ Мстиславичъ.

Давидъ Ростиславичъ.

Мстиславъ Давидовичъ.

Ростиславъ Мстиславичъ.

Ѳеодоръ Ростиславичъ.

Давидъ Ѳеодоровичъ.

Василій Давидовичъ *Грозный*.

Романъ Васильевичъ.

Даніилъ Романовичъ.

Левъ Даніиловичъ.

Андрей Львовичъ Луговка.

Михаилъ Андреевичъ

Семенъ. Дмитрій. Андрей.

Семенъ. Андрей.

Петръ. Степанъ. Никита. Козьма.

Даніилъ. Иванъ.

Михаилъ. Филиппъ. Димитрій.

Козьма. Иванъ.

Семенъ. Алексѣй (Михаилъ). Иванъ.

Ирина.

Андрей Львовичъ Луговка.

Семенъ Андреевичъ.

Михаилъ. Андрей.

Семенъ.

Сергій

Юда

Томила.

Иванъ. Алексѣй.

Алексѣй.

Илья.

(Родъ Луговскихъ угасъ въ XVI в.).

Князья Ростовскіе Бритые-Бычковы.

Въ тѣхъ же рукописяхъ, изъ которыхъ мною взяты исторіи о ярославскихъ князьяхъ Луговскихъ, находятся свѣдѣнія и о родѣ ростовскихъ князей Бритыхъ-Бычковыхъ, впослѣдствіи почему-то утратившихъ свой княжескій титулъ. Родоначальникомъ этой фамиліи (въ XVII колѣнѣ отъ Рюрика и въ VII отъ князя ростовскаго Василько Константиновича святаго, замученнаго татарами въ Ширенскомъ лѣсу) былъ князь Иванъ Владиміровичъ Ростовскій Бычекъ, который, по словамъ нѣкоторыхъ лѣтописей, владѣлъ, кромѣ ростовскихъ помѣстьевъ, и двинскими землями.

Печатая эти свѣдѣнія, я считаю необходимымъ оговориться, что моя рукопись во многихъ мѣстахъ представляетъ значительное несходство и разницу въ годахъ противъ родословной, составленной потомкомъ этихъ князей Ѳедоромъ Аѳанасьевичемъ Бычковымъ. Такъ, по словамъ родословной г. Бычкова, участникомъ Куликовской битвы былъ князь Иванъ Владиміровичъ Бычковъ, тогда какъ въ моей рукописи являются уже князья братья

Василій и Юрій Дмитріевичи, павшіе въ этой битвѣ смертію героевъ.

Не задаваясь цѣлью дѣлать какія-либо генеалогическія и хронологическія розысканія объ этомъ родѣ, я позволяю себѣ лишь привести только то, что сохранили мѣстныя ростовскія рукописи, основанныя, быть можетъ, болѣе на преданіяхъ и любопытныя уже тѣмъ, что съ именемъ одного изъ Бычковыхъ связывается старинная русская сказка со слѣдами древнѣйшаго сказанія, найденнаго Бенфеемъ въ буддійскихъ легендахъ—о Шемякиномъ судѣ. Сказка эта, по своему изложенію и подробностямъ, настолько разнится противъ изданной Ѳ. И. Булгаковымъ въ 1879 году, при содѣйствіи Общества Любителей Древней Письменности, что я не стѣсняюсь ее напечатать, какъ любопытный образчикъ областной своеобразной литературы, столь рѣдкой на Руси въ настоящее цивилизованное время.

А. Титовъ.

Среди непроходимыхъ болотъ и когда-то дремучихъ лѣсовъ, близъ мутныхъ водъ Оганинскаго-Ловецкаго озера, на краю Ростовскаго уѣзда, по сосѣдству съ землями Переяславля Залѣсскаго, въ 25 верстахъ отъ Ростова-Ве-

ликаго, одиноко стоитъ маленькая бѣдная церковь погоста Благовѣщенскаго; это—жалкое воспоминаніе о бывшемъ здѣсь Благовѣщенскомъ женскомъ монастырѣ, упраздненномъ въ XVIII вѣкѣ; мѣсто это и теперь еще называется въ народѣ «Благовѣщенской пустынью». При погостѣ только два двора священно-церковно-служителей. Кругомъ все пусто, уныло, и лишь двѣ рѣчки, Сара и Сулость, неизмѣнно, въ теченіе многихъ вѣковъ, сохранившія въ устахъ народа данныя имъ аборигенами этой мѣстности мерянскія названія, своимъ журчаньемъ и до глубокой осени зеленѣющими берегами нѣсколько оживляютъ однообразную картину этой печальной мѣстности.

Благовѣщенскій погостъ расположенъ на высокой и крутой горѣ. Вся церковная, довольно обширная земля досталась погосту по наслѣдству отъ прежней Благовѣщенской обители. Въ числѣ урочищъ этой земли находятся двѣ пустоши или дачи—Иванцево и Бакшеиха. Въ Бакшеихѣ еще и доселѣ сохранились слѣды бывшихъ тутъ строеній, очертанія фундаментовъ барскихъ хоромъ, попадаются разбитые остатки кирпичей, кафелей и т. д. Кому принадлежали эти хоромы, объ этомъ теперешнія церковныя записи ничего не говорятъ, а старыя монастырскія не сохранились, и самыя имена

жертвователей «дому Благовѣщенiе», вписанныя когда-то въ монастырскiе синодики для вѣчнаго поминовенiя, не дошли до нашего времени, и мы не знаемъ этихъ именъ церковныхъ благотворителей.

Въ уцѣлѣвшемъ спискѣ съ древней рукописи говорится, что близъ этого погоста, быть можетъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится со слѣдами господскихъ хоромъ дача Бакшеиха, была родовая отчина ростовскихъ князей Бритыхъ-Бычковыхъ. Наша рукопись упоминаетъ живнаго на этомъ мѣстѣ, какъ въ родовой вотчинѣ, князя Димитрiя Ивановича Бритаго-Бычкова, старшаго сына родоначальника этой фамилiи. Та же рукопись говоритъ, что князь Димитрiй эту вотчину отдалъ въ приданое за дочерью своей Ѳеодосiей, выданной за ростовскаго же князя Михаила Александровича Касаткина. Впрочемъ вотчина эта перешла снова въ родъ князей Бычковыхъ: сынъ князя Михаила Касаткина князь Владiмiръ Касаткинъ продалъ ее князю Владiмiру Юрьевичу Бычкову, прозванному Бычкомъ. Затѣмъ уже внукомъ князя Владiмiра Бычка княземъ Андреемъ Матвѣевичемъ Бычковымъ эта вотчина была продана или почему-то уступлена ростовскому князю Ѳеодору Ивановичу Буйносову.

Князь Дмитрій Ивановичъ владѣлъ еще находящимся въ томъ же округѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этой усадьбы, селомъ Спасъ-Смердинымъ, которое онъ отдалъ въ приданое за дочерью своей Маврой, при выдачѣ ея въ замужество за ростовскаго князя Владиміра Михайловича Касаткина; деревнею Пелеево, въ которой жила и померла княжна Ѳеодора, дочь ростовскаго князя Ивана Ивановича Пужбольскаго-Верши. Та же рукопись приписываетъ этой княжнѣ всѣ доблести амазонки, упоминая вмѣстѣ съ тѣмъ о пламенной любви ея къ князю Василію Дмитріевичу Бычкову (сыну князя Дмитрія Ивановича). Любовь эта была такъ сильна, что когда князь Василій отправился въ числѣ вождей дружинъ Дмитрія Донскаго на смертный бой съ татарами, то княжна Ѳеодора послѣдовала за нимъ. Князь Василій палъ на Куликовомъ полѣ у Краснаго Холма смертію героя, а княжна Ѳеодора, сильно раненая, была привезена на свою родину въ эту деревню участвовавшимъ въ той же битвѣ ростовскимъ княземъ Васильемъ Александровичемъ Ласткой. Князь Дмитрій Ивановичъ владѣлъ также деревнею Мятежево, которую онъ получилъ въ приданое за своей женой Ѳеодосіей, дочерью ростовскаго князя Константина Андреевича. Эту деревню князь Дмитрій Ивано-

вичъ послѣ своей смерти завѣщалъ на поминъ души ростовскому архіерейскому дому. Князь также владѣлъ деревнею Иваново, которую онъ получилъ тоже въ приданое за второй своей женой Дарьей, дочерью ростовскаго же князя Ѳеодора Ивановича.

Князь Василій Дмитріевичъ младшій владѣлъ деревнею Малково. Эта вотчина поступила послѣ его смерти въ приданое за его дочерью Евдокіей при выходѣ ея въ замужество за ростовскаго князя Ѳеодора Васильевича Ласткина, «что былъ при дворѣ рындой»; кромѣ этого, у князя Василья была еще усадьба Морушка.

Князю Юрію Дмитріевичу, павшему, по словамъ той же рукописи, вмѣстѣ съ братомъ Василіемъ на Куликовомъ полѣ съ мечемъ въ рукахъ и упоминаемому въ преданіи, принадлежали село Павлово, которое впослѣдствіи потомокъ его князь Андрей Матвѣевичъ Бычковъ отдалъ въ приданое за дочерью своей княжной Маріей при выходѣ ея въ замужество за ростовскаго князя Наума-Богдана Ивановича Пріимкова; деревня Юренино, перешедшая къ нему отъ ростовскаго князя Юрія Ивановича Нѣмого-Голенина, которую онъ отдалъ также въ приданое за второй дочерью Татьяной, выданной за ростовскаго князя Юрія

Васильевича Ласткина. Въ этой деревнѣ дочь Юрія Ласткина, княжна Дарья, по словамъ рукописи, долго оплакивала смерть родителя своего, убитаго подъ Казанью.

Князь Владиміръ Дмитріевичъ Волохъ или Голахъ, бояринъ и воевода, имѣлъ деревню Говорово, полученную имъ въ приданое за княгиней Акулиной, дочерью князя Ѳеодора Андреевича; деревню эту князь Владиміръ отдалъ потомъ въ приданое за своею дочерью княжной Анной при выходѣ ея въ замужество за ростовскаго князя Бориса Васильевича Янова. Онъ также имѣлъ деревню Спирцово, которая поступила въ приданое за второй дочерью Евфиміей, выданной имъ за ростовскаго князя Ивана Дмитріевича Пріимкова, и деревню Голахово, гдѣ было его жительство и по которой онъ и былъ прозванъ «Голахъ». Изъ этой усадьбы онъ пріѣзжалъ въ Ростовъ творить свои беззаконные суды. Одинъ изъ такихъ его судовъ сохранился до сего времени, подъ именемъ Шемякина суда.

Исторію Шемякина суда я прилагаю въ концѣ этой лѣтописи вмѣстѣ съ преданіями о князѣ Юріи Дмитріевичѣ Бычковѣ и княгинѣ Дарьѣ, супругѣ князя Оболенскаго-Смолы.

Князь Александръ Юрьевичъ Губастый владѣлъ деревней Глухово, въ которой онъ и жилъ. Глухово перешло къ нему отъ ростовскаго архіепископа Арсенія († 1405 г.), въ мірѣ—князя Семена Андреевича Луговскаго-Гривы, съ которымъ князья Бычковы имѣли какую-то связь. Здѣсь князя Александра посѣтилъ в. к. Московскій Иванъ Васильевичъ Грозный съ супругой своей Маріей Борисовной и княземъ Андреемъ Васильевичемъ Большимъ-Угличскимъ. Вскорѣ Глухово перешло къ брату князя Александра, князю Василью Юрьевичу, прозванному Бычкомъ, который отдалъ эту деревню въ приданое за своей дочерью Ириной, выданной за престарѣлаго князя Михаила Семеновича Луговскаго, сына ростовскаго владыки Арсенія. Въ послѣдствіи Глухово, бывъ нѣкоторое время во владѣніи князей Луговскихъ—Сергѣя Михайловича и Іуды Сергѣевича, снова перешло въ родъ князей Бычковыхъ къ князю Андрею Матвѣевичу.

Князю Ивану Юрьевичу Глухому принадлежали село Куряткино, завѣщанное имъ послѣ смерти княгинѣ Василисѣ, супругѣ ростовскаго князя Ивана Ѳеодоровича Бахтеярова-Нѣмого; деревня Дарцово, находящаяся близъ Ростова на мѣстѣ битвы между князьями братьями Константиномъ и Георгіемъ Всеволодовичами въ 1216 г.

извѣстной еще тѣмъ, что тутъ, согласно предсказанію ростовскаго чудотворца Исидора блаженнаго, прозваннаго Твердисловомъ, умерла отъ родовъ княгиня Дарья, супруга князя Ивана Никитича Оболенскаго-Смолы (о чемъ и сохранилось ниже приложенное преданіе). Впослѣдствіи князь Иванъ Юрьевичъ отдалъ эту деревню въ приданое за своей дочерью княжной Ѳеодорой при выходѣ ея въ замужество за ростовскаго князя Дмитрія Юрьевича Темкина. Князю Ивану Глухому принадлежало еще предмѣстье Ростова, называемое нынѣ Спасъ-Графской слободой. Князь Иванъ отдалъ эту вотчину въ приданое за другой своей дочерью Маріей, вышедшей замужъ за ростовскаго князя Василія Михайловича Лобанова-Меньшого.

Князь Василій Юрьевичъ владѣлъ вотчинами близъ Благовѣщенскаго погоста и деревней Глухово.

Князь Петръ Владиміровичъ Голахъ владѣлъ селеніями своего отца князя Владиміра Дмитріевича, а князь Кузьма Ивановичъ Богданъ наслѣдовалъ всецѣло имѣнія своего отца князя Ивана Юрьевича.

Князь Василій Васильевичъ имѣлъ деревню Коканцево, принадлежавшую прежде княжнѣ Аннѣ, дочери князя Александра Юрьевича Бычкова. Деревня эта перешла потомъ къ его пле-

мянинъ Андрею Матвѣевичу Бычкову, который отдалъ ее въ приданое своей дочери княжнѣ Ѳедосьѣ, при выдачѣ ея въ замужество за Ростовскаго князя Ѳеодора Ивановича Буйносова.

Князь Михаилъ Васильевичъ имѣлъ село Деревни, принадлежавшее его супругѣ княгинѣ Акулинѣ, дочери ростовскаго князя Бориса Васильевича Янова.

Князь Давидъ Васильевичъ владѣлъ, кромѣ пригородныхъ земель, деревней Бахматовой и селомъ Давидовымъ, въ которомъ племянникъ его Андрей Матвѣевичъ Бычковъ убилъ нечаянно свою младшую дочь Ульяну и надъ могилой ея поставилъ деревянную церковь.

Князь Матвѣй Васильевичъ, кромѣ наслѣдія своего отца, усадьбы близъ Благовѣщенскаго погоста, и приданаго своей супруги княгини Василисы, дочери Никиты Дмитріевича Янова — дер. Язвицына, имѣлъ еще село Матвѣевское.

Князь Андрей Матвѣевичъ имѣлъ село Матвѣевское, отданное имъ въ приданое за дочерью княгиней Евдокіей, выданной въ замужество за ростовскаго князя Ѳеодора Ивановича Буйноса; деревню Балмаково, поступившую въ приданое за второю дочерью Марьей, выданной за ростовскаго князя Петра Владиміровича Бахтеярова, и полученное имъ по наслѣдству послѣ князя Юрія Дмитріевича Быч-

кова село Павлово, которое онъ также отдалъ въ приданое за третьей дочерью Дарьей, выданной имъ за ростовскаго князя Наума-Ивана Богдановича Пріимкова.

На князѣ Андреѣ Матвѣевичѣ и обрываются наши свѣдѣнія о родѣ ростовскихъ князей Бритыхъ-Бычковыхъ.

I. ПРЕДАНІЕ О ШЕМЯКИНОМЪ СУДѢ.

Когда былъ на великокняжескомъ московскомъ престолѣ князь Юрій Дмитріевичъ Шемяка, то въ это время Ростовомъ правилъ сынъ его князь Василій Юрьевичъ Шемяка-Косой: намѣстникомъ у него въ Ростовѣ былъ князь Дмитрій Дмитріевичъ Пріимковъ-Третьякъ, а воеводой въ Ростовѣ былъ князь Владиміръ Дмитріевичъ Бритый-Бычковъ, прозванный въ народѣ Голахъ, котораго ростовцы величали вторымъ Третьяковымъ и Шемякинымъ окомъ. Вотъ какъ разбиралъ онъ дѣла.

Въ подростовской слободѣ Угожи (нынѣ село Угодичи), въ удѣльной собственности князя Василія Юрьевича Шемяки [1]), находились два брата родные Шамъ и Минанъ, въ разныхъ

[1]) Объ Угодичахъ, въ духовной грамотѣ, данной князю Василью отъ князя Юрія Дмитріевича Шемяки, было сказано: „А се даю сыну моему князю Василью слободу Угожь съ бортьми“.

избахъ жившіе подъ одной крышей; первый былъ зажиточный крестьянинъ, а послѣдній бѣднякъ. Настала ранняя зима, пошли трескучіе морозы; Мишанъ, будучи на этотъ разъ безъ дровъ, пошелъ къ брату своему Шаму просить у него лошадь съѣздить въ лѣсъ за дровами. Тотъ далъ ему только одну лошадь безъ хомута, съ тою мыслью, что Мишанъ не возьметъ у него безъ хомута и дуги лошадь. Но вышло напротивъ. Мишанъ мужикъ не промахъ и себѣ на умѣ. У него были дровни; ему ничего болѣе, кромѣ одной лошади, и не было надобно. Лошадь у брата была ражая и весьма здоровая. Мишанъ придумалъ съѣздить въ лѣсъ за дровами и безъ хомута, и безъ дуги: привязалъ онъ лошадь хвостомъ за головяшки, сѣлъ на нихъ, взялъ возжи въ руки и, сидя на дровняхъ, закричалъ во все горло на дворѣ:

— Жена, отворяй широки ворота: Мишанъ ѣдетъ въ дремучій лѣсъ по дрова!

Жена растворила немедленно Мишану ворота. Лошадь, чувствуя небывалую запряжку, отъ его крика стрѣлой полетѣла по дорогѣ вдоль улицы въ лѣсъ по дрова, «только сзади снѣгъ завивалъ, а Мишанъ крикомъ лошадь подгонялъ», отчего онъ скоро и въ лѣсъ пріѣхалъ. Въ дремучемъ лѣсу нарубилъ возъ дровъ, уклалъ ихъ на дровни, крѣпко связалъ

и сѣлъ верхомъ на дрова и такимъ образомъ поѣхалъ въ обратный путь. Подъѣзжая къ дому, сидя, какъ бояринъ, на возу, закричалъ зычнымъ голосомъ во все горло:

— Жена, отворяй скорѣй широки ворота! Мишанъ ѣдетъ съ дровами: «морозъ красный носъ изъ кафтана меня дубиной своей выгоняетъ, а бурко изъ копытья глаза мнѣ забиваетъ!»

Жена проворно отворила ему ворота, только не успѣла выставить подворотню, отъ чего и случилась великая бѣда: дрови головяшками ударились въ нее, возъ съ дровами остался на улицѣ, бурко безъ хвоста стрѣлой влетѣлъ на дворъ и на возжахъ увлекъ съ собой съ воза и Мишана на дворъ и тамъ по двору таскалъ его по землѣ, брюхомъ растянувшагося, кружась съ нимъ по двору не малое время.

Съ разбитымъ до крови носомъ и исцарапаннымъ лицомъ, весь въ крови, всталъ Мишанъ на ноги кое-какъ съ трудомъ, посмотрѣлъ на бурка безъ хвоста, почесалъ въ затылкѣ и сказалъ самъ себѣ:

— Дѣло дрянь. Носъ и рожа нѣшто; кое какъ, хоть не скоро, но заживутъ, курносъ и шадровитъ не буду, а у бурка другой хвостъ не выростетъ; побить бы жену хорошенько за то, что подворотню не выставила, да нельзя:

кочерга у ней въ рукахъ; сдачи дастъ. И такъ, что ни говори, а дѣло дрянь: теперь, поди, братъ за бурка взбѣсится, не дастся подъ ладъ. Да дѣлать нечего: волей-неволей, а бурка надо къ брату вести, съ женой не пошлешь: придется идти съ повинной головой къ нему самому: пусть что̀ хочетъ, то и дѣлаетъ со мной.

Какъ думалъ Мишанъ, такъ и случилось. Шамъ, увидѣвъ своего бурка безъ хвоста, ажно ахнулъ и сталъ всячески бранить Мишана за его новопридуманную ѣзду, отъ которой онъ испортилъ бурка его, и грозился жаловаться на него воеводѣ Голаху. Сколько Мишанъ ни кланялся брату въ ноги и сколько ни просилъ его простить его и не ходить жаловаться воеводѣ, никакія просьбы, ни великіе поклоны не могли умягчить разгнѣваннаго Шама: братній гнѣвъ былъ столь великъ, что онъ тутъ же положилъ непремѣнное намѣреніе идти на брата жаловаться воеводѣ.

На слѣдующій день Шамъ заложилъ бурка въ дровни Мишана: хвостъ бурка, висѣвшій на головяшкахъ, былъ имъ взятъ поличнымъ на Мишана. Изготовясь совсѣмъ, Шамъ посылаетъ по брата Мишана ѣхать съ нимъ къ воеводѣ. Жена Мишана отозвалась, что мужъ ея ушелъ на ея родину «на Шелковку, на Сбро-

дичевъ холмъ [2]). Шаму было по пути; онъ и поѣхалъ туда на буркѣ и тамъ нашелъ брата своего. Оба они на дровняхъ, по обычаю, какъ ѣздили всегда судиться, спичами сѣли вмѣстѣ. Проситель смотрѣлъ впередъ, а отвѣтчикъ назадъ. И такъ Шамъ сидѣлъ лицомъ впередъ и правилъ возжами буркой; Минанъ сидѣлъ и смотрѣлъ взадъ, повѣся голову, и думалъ о своей участи, зная, что не повадно тамъ будетъ, куда его везутъ. Когда онъ думалъ крѣпкую думу, какъ ему будетъ отвѣтъ держать предъ воеводой, и переѣзжалъ по мосту чрезъ рѣку Вексу у новопостроеннаго Бѣлогостицкаго монастыря [3]) на Рыбномъ притонѣ, дровни съ сѣдоками раскатились и сильно ударились о перила мостовыя; Шамъ усидѣлъ, держась за головяшки, и остался на дровняхъ, а Минанъ былъ изъ дровней вышибленъ и брошенъ сперва на край моста, а потомъ свалился съ моста въ рѣку, гдѣ въ это самое время старикъ рыбакъ съ сыномъ своимъ вытаскивалъ изъ воды на ледъ рыболовныя сѣти. Минанъ упалъ съ мосту прямо на старика, самъ крѣпко ушибся, а старика рыбака задавилъ собой до

[2]) Теперь дер. Пажеровка, Ростовскаго уѣзда.

[3]) Монастырь этотъ существуетъ и сей часъ въ $\frac{1}{4}$ верстахъ отъ Ростова.

смерти. Сынъ старика, видя мертвымъ отца своего, схватилъ Мишана за воротъ, чтобы воздать ему око за око, зубъ за зубъ, отчего у нихъ пошелъ рукопашный бой. Прибѣжавшій на драку Шамъ рознялъ бойцовъ и, остановивъ драку, уговорилъ сына рыбака ѣхать вмѣстѣ съ нимъ жаловаться воеводѣ. Рыболовъ, согласившись на это, поѣхалъ вмѣстѣ съ Шамомъ бить челомъ воеводѣ Голаху.

И такъ трое сѣдоковъ, на однихъ дровняхъ, пріѣхали на буркѣ въ городъ Ростовъ подъ вечеръ. Остановились на постояломъ дворѣ у квасовара Ушкунника на бойкомъ мѣстѣ, въ Чудскомъ концѣ. Два истца, плотно поужинавъ, легли спать по лавкамъ, а бѣднякъ Мишанъ, голодный и холодный, сперва легъ на печку погрѣться, но пришла старуха, мать харчевника, заняла печь, такъ какъ съ нея удобнѣе ей качать ребенка въ зыбкѣ, повѣшенной подъ палатями, на которыхъ расположился спать Мишанъ, согнанный съ печи.

Всѣ трое проѣзжихъ занялись передъ сномъ каждый своими мыслями: одинъ, какъ имъ предъ воеводою приносить лучше жалобу, а Мишанъ думалъ, какъ ему предъ воеводою будетъ отвѣтъ держать и чѣмъ ему будетъ себя оправдывать. Подумалъ, подумалъ и, сказавъ самъ себѣ: «утро вечера мудренѣе», заснулъ скоро

крѣпкимъ сномъ. Ночью сонный разогрѣлся до пота лица, разметался, лежа на палатяхъ, потомъ началъ переворачиваться скоро съ боку на бокъ. и такъ, что полетѣлъ сонный внизъ съ палатей и прямо на зыбку съ ребенкомъ; ее уронилъ. а ребенка задавилъ до смерти.

Отъ этого паденія въ избѣ поднла тревога: добыли огня и увидѣли ребенка мертвымъ. задавленнаго въ разломанной зыбкѣ. Тутъ поднялся великій плачъ. крикъ и брань: харчевникъ за своего ребенка готовъ былъ Минина умертвить. какъ убійцу его дѣтища. Немалаго труда стоило Шаму и рыбаку уговорить харчевника идти съ ними вмѣстѣ жаловаться на Минина воеводѣ.

По утру три просителя пошли къ воеводѣ жаловаться на одного отвѣтчика. Идя за ними. Мининъ крѣпко призадумался. какъ ему предъ воеводою отвѣтъ держать. Все, казалось ему. было противъ него: всѣ придуманные имъ отвѣты не годились. Находясь въ такомъ безвыходномъ положеніи. онъ не зналъ, что ему дѣлать и какъ выстоять одному бѣднякуу противъ трехъ богачей: правежъ и кабалу. думалъ онъ. еще можно вынести. но, пожалуй. Шемякино-то око придумаетъ и еще что хуже: добраго о Шемякиномъ судѣ никто не говорилъ. Тутъ пришла ему на умъ злая мысль

за воеводу, и порѣшилъ онъ убить его, если будетъ судить не право: пропадать такъ пропадать: «семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ»; а воеводѣ не быть живому. Съ этими мыслями онъ поднялъ лежавшій на дорогѣ булыжный камень, завернулъ его въ платокъ и положилъ себѣ за-пазуху. Никто изъ шедшихъ впереди просителей не видалъ этого. Мишанъ смѣло пошелъ къ воеводѣ на судъ, имѣя отвѣтъ за-пазухой.

До дому воеводина путь ихъ былъ не близокъ: любопытныхъ за ними шло великое множество: всѣмъ хотѣлось узнать, какъ разсудитъ воевода три такихъ мудреныхъ суда. Просители и отвѣтчики пришли въ домъ воеводы, а любопытные остались всѣ ждать на воеводскомъ дворѣ. И такъ, три просителя и одинъ отвѣтчикъ предстали предъ ясныя очи ростовскаго воеводы Владиміра Дмитріевича Бритаго-Бычкова Голаха, сидѣвшаго за воеводскимъ столомъ съ подобающею его сану честію.

Первымъ приступилъ къ воеводѣ проситель богатый Шамъ, произнеся свою жалобу о безхвостой лошади. Онъ просилъ у него себѣ праведнаго суда. Воевода, смотря на его нездравый видъ и хорошую одежду, выслушалъ жалобу благосклонно и ждалъ отъ него услов-

знаго и извѣстнаго всѣмъ просителямъ знака о благостынѣ: но проситель, хотя и зналъ эти знаки, но зналъ также и свою правую сторону, потому и не давалъ ихъ воеводѣ: тотъ однако не любилъ такихъ просителей, а хоть корку хлѣба, да подавай. Долго медлилъ воевода, ожидая знака, но не дождался и, смотря на отвислую пазуху отвѣтчика, почти ласково спросилъ у него, что онъ на эту жалобу отвѣтитъ. Мишанъ, стоя позади всѣхъ просителей, вмѣсто отвѣта, вынулъ изъ-за пазухи свой завернутый въ платокъ камень и сдѣлалъ рукою, въ которой былъ камень, воеводѣ такой знакъ, что готовъ въ него бросить и убить его. Воевода подумалъ, что онъ показываетъ монету съ деньгами, и притомъ довольно не малую, улыбнулся и далъ ему знакъ, что онъ имъ доволенъ: принявъ въ судѣ его сторону, онъ сказалъ просителю Шаму:

— Отдай лошадь оторвавшему у ней хвостъ, а когда хвостъ по старому вырастетъ, тогда виноватый возвратитъ тебѣ лошадь: симъ я и завершаю тебѣ праведный мой судъ.

Такой судъ богатому Шаму показался недобрымъ и неправеднымъ. Онъ пріѣхалъ судиться на лошади, а приходится идти съ суда пѣшкомъ. Пошелъ онъ съ суда не веселъ, говоря дорогой самъ съ собою: «вотъ тебѣ и

Шемякино око, правый судъ; да это просто Шемякинъ судъ»!

Второй проситель на того же отвѣтчика былъ рыболовъ, который принесъ воеводѣ свою жалобу о задавленномъ своемъ отцѣ и просилъ у него себѣ праведнаго суда. Воевода и отъ этого просителя ожидалъ себѣ условнаго знака о благостынѣ, но знака, сколько онъ ни ждалъ, не было, потому что и этотъ проситель зналъ свою правую сторону и не давалъ условнаго знака. Тутъ воевода увидѣлъ, что и этотъ проситель пришелъ безъ дара, и обратился къ отвислой пазухѣ, спросивъ у него, что онъ на эту просьбу скажетъ. А тотъ опять молча показалъ тотъ же камень и съ такими же знаками руки; воевода, видимо, остался имъ доволенъ и сказалъ второму просителю:

— Пусть виноватый встанетъ на то мѣсто, гдѣ былъ задавленъ отецъ твой, а ты съ мосту упади также на него и ты заплатишь ему тою же монетою, и будетъ долгъ платежемъ красенъ, а судъ правдой и благостыней: то мой праведный тебѣ судъ!

И этотъ проситель остался этимъ судомъ недоволенъ и, выходя изъ дому воеводы, говорилъ самъ себѣ:

— Сказали воевода есть Шемякино око, а судилъ настоящій Шемякинъ судъ!

Третій проситель, бывши ловчѣе и оборотливѣе своихъ предшественниковъ, съ низкими поклонами принесъ свою жалобу воеводѣ о задавленномъ ребенкѣ и просилъ себѣ праведнаго его суда, а о благостынѣ никакого знака не подалъ, потому что и этотъ хорошо зналъ свою правую сторону. «Э, братъ, подумалъ самъ въ себѣ воевода, смотря на его частые и низкіе поклоны: изъ поклоновъ твоихъ мнѣ не шубу шить; у меня, братъ, она уже есть, да еще съ княжова плеча».—И, оборотясь къ отвѣтчику, спросилъ у него ласково, что онъ на это прошеніе скажетъ? А тотъ изъ пазухи беретъ кисть и, молча, кажетъ его воеводѣ съ тѣми же знаками. Воевода, въ знакъ своего удовольствія, кивнулъ ему головой, а просителю сказалъ:

— Этотъ мужикъ кругомъ виноватъ; его надо и наказать примѣрнымъ образомъ, чтобы онъ впередъ ребятъ не давилъ: отдай ему жену твою; пусть онъ поживетъ съ ней такого же ребенка, и тогда ты будешь съ нимъ квитъ. И такъ тебѣ, праведному моему суду, конецъ!

И этотъ послѣдній проситель пошелъ отъ воеводы насупясь, потому что былъ недоволенъ судомъ его, и, выходя изъ дома воеводы, говорилъ самъ себѣ:

— Какое чертово Шемякино око и правед-ный судъ его! Это просто-на-просто настоящій Шемякинъ судъ!

Остался теперь съ воеводою съ глазу на глазъ одинъ только отвѣтчикъ Мишанъ, кото-рый низко поклонился воеводѣ и благодарилъ его за праведный судъ. На это воевода отвѣ-чалъ ему:

— Послушай, братъ, мнѣ изъ твоихъ покло-новъ не шубу шить: она у меня ужъ есть, да еще съ князей, изъ черныхъ соболей: да отъ меня, братъ, поклонами этими не отвер-тишься: суленое—данному брать: отдай, что сулилъ, да и ступай съ Богомъ на всѣ четыре стороны, а не то скоро у меня узнаешь, какъ воеводу Голаха обманывать! съ посулами у меня уйдешь туда, куда Макаръ и телятъ не гоняетъ!

— Да у меня и на умѣ не было, чтобы вое-воду обманывать, отвѣчалъ ему Мишанъ: отъ подарка моего самъ ты откажешься.

Потомъ, показавъ воеводѣ изъ платка за-вернутый камень, сказалъ:

— У меня только и было на умѣ, чтобы убить тебя этимъ камнемъ до смерти, если бы ты не по мнѣ разсудилъ: ты видѣлъ, какъ я имъ грозился тебѣ.

Послѣ такого объясненія, воевода и Мишанъ остались другъ другомъ довольны: воевода,—что удачнымъ судомъ миновалъ великой опасности быть убитымъ, а Мишанъ,—что вышелъ сухъ изъ воды. Веселый пошелъ онъ изъ дому воеводы, говоря самъ себѣ:

— Вотъ гдѣ былъ настоящій Шемякинъ судъ!

Любопытные слушатели суда, бывшіе на воеводскомъ дворѣ, удивлялись, что они только и слышали слова отъ выходящихъ просителей и отвѣтчика: «настоящій Шемякинъ судъ!» Спросили объ этомъ у Мишана и, узнавъ, въ чемъ дѣло, сами громко со смѣхомъ сказали:

— Вотъ такъ настоящій Шемякинъ судъ!

Счастливый Мишанъ поѣхалъ домой на буркѣ, дорогой напалъ идущихъ и разговаривающихъ между собою трехъ своихъ петуховъ; обгоняя ихъ, брату велѣлъ приходить скорѣе домой и брать бурка съ хвостомъ, рыбаку велѣлъ встать подъ мостомъ, а харчевнику приказывалъ прислать къ нему жену свою.

II. ПРЕДАНІЕ О КНЯЗѢ ЮРІИ ДМИТРІЕВИЧѢ.

Князь Юрій Дмитріевичъ Бритый-Бычковъ имѣлъ у себя дочь, по имени Дарью. Она была наѣздница и смѣлая охотница, которую

простонародье прозвало «Царь-дѣвицей». Въ одно время каталась она на лодкѣ съ подругами своими по Ростовскому озеру и близъ Княгинина острова встрѣтила молодаго охотника, возвращавшагося на узорчатомъ челнѣ съ охоты домой. Мужественная красота лица, ростъ и дородство его обратили на себя вниманіе княжны Дарьи: изъ разговора подругъ своихъ княжна узнала, что это — Акинфій Крюковъ, младшій изъ братевъ Крюковыхъ, одинъ изъ первыхъ гражданъ Ростова по знатности и богатству.

Однажды во время зимы Акинѳъ охотился на берегахъ рѣки Пуры съ товарищемъ своимъ Стеной Обуховымъ и, возвращаясь домой, наѣхалъ на валявшагося на дорогѣ человѣка. Сострадательный юноша соскочилъ съ саней своихъ, осмотрѣлъ лежавшаго и увидѣлъ, что это была немолодая женщина, совершенно замерзшая. Онъ взялъ ее съ собой и въ первомъ селеніи отогрѣлъ и возвратилъ ее къ жизни. Отъ спасенной онъ узналъ, что она была мама боярышни Дарьи, дочери князя Юрія Дмитріевича Бычкова, шедшая изъ-за рѣки Пуры, изъ терема одной подруги княжны Дарьи; сбившись съ дороги, она упала и, что было дальше, не помнитъ. Въ благодарность за спасеніе своей жизни мама княжны пода-

рила Акинѳу завѣтный перстень, который она носила на шеѣ вмѣстѣ съ крестомъ и всегда берегла пуще глазу. Подавая его Акинѳу, она сказала:

— Этимъ перстнемъ пусть ты обручишься съ дѣвицей Дарьей.

Въ одно время князь Юрій Дмитріевичъ, находясь въ Москвѣ при великокняжескомъ дворѣ на службѣ при князѣ Семенѣ Ряполовскомъ, былъ свидѣтелемъ заключенія въ темницу и оковы князя Андрея Васильевича Большаго-Угличскаго, по приказу брата его великаго князя Ивана Васильевича. Онъ же, князь Юрій, съ другими князьями посланъ былъ въ гор. Угличъ за юными сыновьями того князя Андрея—Иваномъ и Дмитріемъ, которымъ одному было 13, а другому 12 лѣтъ; этихъ князей отвезли въ заточеніе въ Переяславль Залѣсскій.

Чрезъ нѣсколько времени князь Юрій Дмитріевичъ подъ крѣпкимъ карауломъ повезъ этихъ же юныхъ князей Ивана и Дмитрія изъ Переяславля въ заточеніе на Бѣло озеро. На пути, вопреки великокняжескому наказу, въ Ростовѣ онъ позволилъ князьямъ этимъ поклониться мощамъ св. Леонтія и другимъ ростовскимъ святынямъ. Это узналось, и онъ Семеномъ Ряполовскимъ, безъ вѣдома великаго кня-

зя, былъ заключенъ въ темницу въ городѣ Вологдѣ.

Княжна Дарья была поражена и сильно печалилась о пропавшемъ безъ вѣсти своемъ родителѣ.

Видясь нерѣдко чрезъ посредство спасенной мамы съ княжной Дарьей, Акиѳъ Крюковъ бывалъ у нея на вечеринкахъ и, видя великую ея скорбь по отцѣ, въ утѣшеніе обѣщалъ ей избавить его отъ заточенія, о чемъ онъ узналъ чрезъ старшаго брата своего Корнилія, инока Бѣлоезерскаго Кириллова монастыря, извѣстившаго его, что ростовскій князь Юрій Дмитріевичъ Бритый-Бычковъ заключенъ въ вологодской темницѣ. Княжна Дарья за свободу своего отца обѣщала Акинфу выйдти за него замужъ.

Въ вологодскую темницу не проникалъ никогда человѣколюбивый и сострадательный взоръ великихъ князей; оттуда не слышны были высшимъ властямъ вопли и стоны узниковъ; тутъ произволъ тюремщика могъ безъ наказанія замѣнить законъ и справедливость. Употребивъ всѣ способы, Акиѳъ Крюковъ поселился въ Вологдѣ и успѣлъ расположить къ себѣ тюремщика, черезъ что и сталъ посѣщать въ темницѣ князя Юрія, которому и обѣщалъ

освобожденіе, прося за свободу руку дочери его Дарьи.

Въ одно праздничное время Акинѳъ напоилъ тюремнаго сторожа до безчувственности, скинулъ оковы съ князя Юрія и наложилъ ихъ на сторожа; снявъ одежду съ него и надѣвъ ее на князя Юрія, онъ вышелъ вмѣстѣ съ нимъ безпрепятственно изъ темницы.

Князь Юрій и княжна Дарья остались вѣрны своему слову, и сказанныя прежде мамой княжны Дарьи, когда она дарила перстень, слова сбылись: Акинѳъ былъ обрученъ съ княжной Дарьей, но браку не пришлось совершиться.

Не за долго предъ вѣнцомъ пришелъ въ Ростовъ изъ Кириллова монастыря къ Акинѳу старшій его братъ инокъ Корнилій, который, вслѣдствіе какихъ-то причинъ, склонилъ брата своего Акинѳа, вмѣсто брака, принять иноческій чинъ. Желаніе Корнилія исполнилось, и Акинѳъ изъявилъ согласіе, Христа ради, оставить домъ отца, богатство и любимую имъ невѣсту и быть инокомъ Кирилловa Бѣлоезерскаго монастыря, гдѣ при постриженіи его въ иночество названъ былъ Анфаномъ.

Княжна Дарья тоже послѣдовала примѣру своего жениха: жила долго отшельницею въ удѣлѣ отца своего за рѣкой Пурой (гдѣ теперь деревня Юренино), потомъ поступила монахи-

нею въ ростовскую обитель подъ именемъ Девворы, гдѣ и скончалась.

Братья Крюковы, Корнилій и Акиѳъ - Анфанъ, кончили жизнь свою въ вологодской области, одинъ въ комельской, другой въ бѣлоезерской обители;—первый изъ нихъ причисленъ къ лику святыхъ. Память препод. Корнилія Крюкова празднуется 19 мая.

III. ПРЕДАНІЕ О РОСТОВСКОМЪ АРХІЕПИСКОПѢ ІОСАФѢ ОБОЛЕНСКОМЪ *).

Въ концѣ XV вѣка, когда сильное и могущественное царство Казанское признало наконецъ надъ собою власть великаго князя московскаго, въ Москву, въ качествѣ военно-плѣннаго, былъ привезенъ казанскій царевичъ Кайдакулъ, который нѣсколько времени и жилъ при дворѣ великокняжескомъ; потомъ, по волѣ великаго князя Іоанна Васильевича Грознаго,

---

*) Это преданіе въ другомъ варіантѣ, хотя и было напечатано въ „Ярослав. Епарх. Вѣдом.“ 1875 г. № 46, но съ такими измѣненіями, сдѣланными редакціей, что владѣлецъ рукописи А. Артыновъ, сообщившій ее редакціи, не узналъ подлинника. Имена князей и событія были совершенно перепутаны и измѣнены.

Кайдакулъ былъ перевезенъ въ Ростовъ, гдѣ былъ порученъ присмотру и попеченію князя Сергія Семеновича Луговскаго, у котораго царевичъ и проживалъ въ родовой вотчинѣ «Глуховомъ-дворищѣ» *).

Между тѣмъ Луговскому дано было отъ великаго князя тайное приказаніе склонить казанскаго царевича къ принятію христіанской вѣры, а потому кн. Луговской, какъ будто ради препровожденія времени и ради развлеченія царевича, очень часто посѣщалъ вмѣстѣ съ нимъ ростовскаго архіепископа Іоасафа, который такъ же, какъ и Луговской, тоже имѣлъ отъ московскаго князя тайный наказъ, чтобы внушать царевичу Кайдакулу правила вѣры православной.

Кайдакулъ во время своихъ посѣщеній владыки ростовскаго всегда слушалъ со вниманіемъ его душеспасительныя рѣчи и увѣщанія, не показывалъ ни малѣйшаго желанія уклонятьсяся отъ нихъ.

Во время одного изъ такихъ посѣщеній шла у владыки съ Луговскимъ рѣчь о тогдаш-

*) Впослѣдствіи времени на этомъ мѣстѣ стояла деревня „Глухово“. Въ настоящее же время это мѣсто превратилось въ пустошь, носящую названіе „Луховой пустоши“.

нихъ современныхъ событіяхъ; владыка Іоасафъ въ этотъ разъ находился въ веселомъ расположеніи духа и между прочимъ разсказалъ своимъ собесѣдникамъ про одно знаменательное событіе, случившееся еще во время его молодости съ однимъ изъ его товарищей.

«Въ окрестностяхъ Ростова, такъ началъ свой разсказъ владыка, жили два молодыхъ князя; и тотъ, и другой были моими задушевными друзьями; одинъ изъ нихъ назывался Романъ Андреевичъ и былъ сынъ князя Андрея Дмитріевича Пріимкова, а другой — князь Иванъ Никитичъ Оболенскій-Смола *). Свиданія молодыхъ друзей всегда отличались необыкновенною простотой и искренностью. Однажды, свидѣвшись послѣ долгой разлуки, Оболенскій разсказывалъ Пріимкову о новостяхъ и событіяхъ при московскомъ великокняжескомъ дворѣ, а Пріимковъ въ свою очередь сообщалъ другу новости ростовскія; но тутъ

*) Родовая вотчина князей Оболенскихъ находилась на мѣстѣ нынѣшняго села Савинскаго, что на р. Устьѣ и близъ огромнаго болота, называемаго, по имени бывшаго владѣльца кн. Саввы Оболенскаго, Савинскимъ болотомъ, а вотчина Пріимковыхъ была тамъ, гдѣ теперь стоитъ дер. Зубово, что на рѣкѣ Личѣ.

кн. Оболенскій прервалъ рѣчь товарища и самъ разсказалъ ему случай временъ Шемякиныхъ, слышанный имъ въ Москвѣ отъ очевидца, князя Василья Ивановича Янова, о томъ, какъ кн. Семенъ Михайловичъ Луговской, отецъ кн. Сергѣя Луговскаго, свидѣлся съ своей супругой, случайно встрѣтивъ ее въ одеждѣ простой крестьянки».

«Заслышавъ такой разсказъ, кн. Романъ Пріимковъ въ свою очередь перебилъ рѣчь товарища и, будучи очевидцемъ этого событія, началъ разсказывать ему со всею подробностью о томъ, какъ онъ и кн. Семенъ Луговской бились съ бѣжавшимъ отъ нихъ Шемякой и какъ онъ съ кн. Ѳедоромъ Дмитріевичемъ Гвоздевымъ подняли жестоко раненаго Луговскаго и перенесли его, истекавшаго кровью, въ стоявшую по близости полуразвалившуюся лачугу; надо же было, говорилъ кн. Романъ, случиться именно такъ, что въ той лачугѣ, куда былъ перенесенъ Луговской, подъ видомъ простой крестьянки, проживала его супруга».

«Долго бесѣдовали молодые князья-товарищи о кн. Луговскомъ, этомъ неустрашимомъ воеводѣ великокняжеской рати, и наконецъ порѣшили посѣтить этого героя временъ Шемяки».

«Съ пріѣздомъ князя Ивана Оболенскаго, продолжалъ свой разсказъ владыка ростовскій,

теремъ князя Пріимкова всегда какъ будто оживалъ: начиналось веселье, шли нескончаемые задушевные разговоры. И вотъ разъ, вдоволь наговорившись, они наконецъ рѣшились навѣстить князя Луговскаго».

«Пріѣздъ молодыхъ друзей къ старику Луговскому былъ какъ нельзя болѣе кстати: въ это время шелъ пиръ горой въ Стефановской сотнѣ города Ростова *), въ теремѣ Семена Михайловича; въ этотъ день онъ справлялъ годовщину нечаянной встрѣчи съ своей дорогой княгиней. Въ числѣ гостей князя находился его родной племянникъ Андрей Андреевичъ Луговской, съ супругой княгиней Прасковьей Ивановной и красавицей дочерью княжной Дарьей. Княжна своимъ умомъ, красотой и обхожденіемъ скоро плѣнила сердце Ивана Оболенскаго, и вотъ послѣ этой встрѣчи молодые князья-товарищи частенько стали заглядывать въ теремъ князя Андрея Луговскаго, стоявшій въ Ростовѣ, на проѣзжей улицѣ, называемой «Пучинки»; сильно полюбилась молодымъ князьямъ проѣзжая улица, и посѣщенія терема князя Андрея становились все ча-

*) Мѣсто это теперь находится въ Ростовѣ съ южной стороны церкви Св. Стефана архидіакона, близъ городскаго сада.

ще и чаще, а спустя нѣсколько времени, кн. Романъ пришелъ къ кн. Андрею сватомъ и, отъ имени своего друга Оболенскаго, просилъ руки его дочери. Дѣло пошло на ладъ, и вскорѣ назначена была свадьба, завершившаяся великолѣпнымъ пиршествомъ, которое долго потомъ помнили ростовцы».

«Во время одного изъ брачныхъ пиршествъ вдругъ явился въ домъ Андрея Луговскаго блаженный Исидоръ; входя въ домъ, блаженный прибилъ своею клюкой двухъ холоповъ княжескихъ, не пускавшихъ его въ палаты. и, угрожая посохомъ, закричалъ одному изъ служителей: «ступай отсюда къ Левкѣ Баламышу»! «А ты, сказалъ блаженный другому слугѣ, ступай къ Ѳедькѣ Бахтеярову! Зачѣмъ вы пришли сюда!..» Сказавъ это, блаженный вошелъ въ палаты, держа въ одной рукѣ свою клюку, а въ другой сплетенную изъ полевыхъ цвѣтовъ и травъ шапку и, подавая ее новобрачному Оболенскому, сказалъ: «вотъ тебѣ. Иванушка, и архіерейская шапка!... а потомъ. обратясь къ новобрачной, проговорилъ: «Рахиль-Дарья! породишь ты сына Савву на великую славу!..» *).

*) Этотъ домъ Луговскаго въ то время былъ близъ кущи св. Исидора; онъ былъ потомъ купленъ име-

«Новобрачные, принявъ подарокъ, низко поклонились блаженному, желая благодарить его, но блаженный Исидоръ, не дожидаясь благодарности, быстро выбѣжалъ на улицу и тамъ, по обыкновенію, началъ юродствовать и шумѣть съ дѣтьми».

«Необыкновенный подарокъ юродиваго и его таинственныя слова невольно смутили всѣхъ гостей князя Луговскаго, и никто не могъ понять и разрѣшить: что означала та «архіерейская шапка» и что значили его слова, обращенныя къ новобрачной; одно только всѣ твердо помнили, что слова юродиваго никогда не проходили даромъ».

«Прошелъ съ тѣхъ поръ почти годъ, проведенный новобрачными въ Москвѣ, и вотъ настало наконецъ время исполниться предсказаніямъ блаженнаго Исидора. Княгиня Дарья стала беременна: желая повидаться съ родите-

---

нитыми людьми Дмитріемъ и его сыномъ Григоріемъ Строгоновыми. Этими Строгоновыми приложенъ на раку блаженнаго покровъ, вышитый золотомъ, серебромъ и шелками. Нынѣ мѣсто это занимаетъ одинъ питейный домъ подъ именемъ „Соляного“. Названіе „Соляной“ получилъ потому, что на этомъ мѣстѣ были издавна соляные амбары съ продажей казеной соли.

лями, она съ супругомъ поѣхала въ Ростовъ, но, не доѣзжая до города, почувствовала приближеніе родовъ и, остановясь въ усадьбѣ князя Ивана Юрьевича Бритаго-Бычкова, родила первенца сына, котораго и назвала Саввой, какъ предсказалъ то блаженный Исидоръ. Тяжко было для княгини появленіе на свѣтъ сына; она не перенесла и вскорѣ скончалась, а за нею слѣдомъ сошелъ въ могилу и малютка сынъ, виновникъ ея преждевременной смерти» *).

*) По другому варіанту рукописи, напечатанной съ сокращеніями въ 46 № „Ярослав. Епарх. Вѣд." 1875 г., умерла лишь кн. Дарья, а сынъ Оболенскаго Савва остался живъ. Это видно также изъ списка съ рукописи о владѣніи кн. ростовскихъ, что село Савинское принадлежало сыну ростовскаго архіепископа Іоасафа I—Саввѣ Ивановичу и что въ этомъ селѣ была его усадьба. Князь Иванъ Никитичъ Оболенскій, послѣ смерти кн. Дарьи, принялъ постриженіе въ Ферапонтовскомъ монастырѣ подъ именемъ Іосифа и изъ игуменовъ этой обители митрополитомъ Геронтіемъ поставленъ былъ во архіепископа Ростову подъ именемъ Іоасафа I. Управлялъ епархіей 7 лѣтъ, (1481—1488). Скончался на покоѣ въ той же Ферапонтовой пустыни, гдѣ и погребенъ.

«Смерть любимой жены и малютки сына какъ громомъ поразили князя Ивана; онъ тутъ же надъ ихъ гробомъ, произнесъ обѣтъ монашества и, похоронивъ жену и сына, ушелъ въ Θерапонтову пустынь и постригся въ монашество».

«И такъ, закончилъ владыка Іоасафъ, одно предсказаніе блаженнаго Исидора сбылось: княгиня Дарья умерла, какъ умерла нѣкогда ветхозавѣтная Рахиль, родивъ праотцу Іакову сына первенца—Веніамина».

Сказавъ это, владыка вдругъ сталъ грустенъ и прервалъ свой разсказъ.

Князь Сергѣй Семеновичъ Луговской съ большимъ вниманіемъ слушалъ разсказъ владыки и наконецъ спросилъ его:

— Что же сталось съ княземъ Иваномъ Оболенскимъ послѣ того, какъ онъ ушелъ въ монастырь?

Но владыка уклонился отъ прямаго отвѣта и только сказалъ, что онъ слышалъ отъ кого то, что и второе пророчество блаженнаго Исидора также сбылось и что князь Иванъ получилъ, да и теперь еще носитъ, архіерейскую шапку. А впрочемъ, добавилъ владыка, вѣдь это одна только народная молва, а такъ ли на самомъ дѣлѣ, я не не знаю...»

— Я слышалъ отъ князя Романа Андреевича Пріимкова, сказалъ на это Сергѣй Луговской, что князь Иванъ надъ могилой супруги и сына построилъ церковь и назвалъ ее «Саввиной могилой». Впрочемъ теперь я не забуду узнать о князѣ Иванѣ: ко мнѣ часто ѣздятъ его братья князь Василій Никитичъ Оболенскій-Ноготь и князь Данило Никитичъ Оболенскій-Собака; они навѣрное знаютъ о судьбѣ своего брата Ивана.

— «Нѣтъ, князь! отвѣчалъ владыка: тебѣ нечего спрашивать объ немъ у князей Василья и Данилы Оболенскихъ; знай, что князь Иванъ самъ разсказалъ тебѣ о случившемся съ нимъ событіи: отнынѣ вѣдай, что кн. Иванъ Оболенскій и ростовскій архіепископъ Іоасафъ— это одно и то же лицо; надо мной и покойной женой моей сбылось пророчество Исидора объ архіерейской шапкѣ и о ветхозавѣтной Рахили!..»

Такъ закончилъ свое повѣствованіе владыка ростовскій Іоасафъ.

А. Титовъ.

(Изъ „Вѣстника“).

Дозволено цензурою. Москва, 10 октября, 1884 г.